

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

СЕРГЕЙ СЕМЕНОВ
ЦЕНА СВОБОДЫ

FUTURE CORP.

Метро

Сергей Семенов

Метро 2033. Цена свободы

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Семенов С. А.

Метро 2033. Цена свободы / С. А. Семенов — «Издательство АСТ», 2020 — (Метро)

ISBN 978-5-17-110581-5

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. В лесах Иркутской области, отрезанная от всего мира, существует небольшая колония выживших. Но вот неизвестные, приехавшие по железной дороге, нападают на жителей, увозят двух друзей – Ромку и Михея – в Комсомольск-на-Амуре и превращают в рабов. Ребятам, никогда прежде не сталкивавшимся со злом, предстоит узнать, какова она – цена свободы. И возможно, для кого-то из них она окажется слишком высокой.

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110581-5

© Семенов С. А., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Экскурсия по необъятной	6
Пролог	7
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	22
Глава 3	35
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сергей Александрович Семенов

Метро 2033. Цена свободы

© Д. А. Глуховский, 2017

© С. Семенов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Экскурсия по необъятной **Объяснительная записка Анны Калинкиной**

С чего начинается родина? С той самой березки в поле? С речки, в которой плескались с друзьями? С этих самых друзей из соседнего двора? Или с песен матери? Обычно задумываться над этим человек начинает особенно часто, когда находится по тем или иным причинам от родины вдали.

Вот жили себе относительно безмятежно два парня. И даже, может быть, скучали порой – хочется мир посмотреть, а как? И лишь когда ребят против воли вырвали из привычного окружения, желание увидеть другие места сбылось – но вовсе не так, как им бы хотелось. Одно дело – путешествовать по собственной инициативе, и совсем другое – когда везут куда-то, как скотину, предназначенную на убой. И, доставив к месту назначения, обращаются тоже как со скотиной – работа, скудная кормежка, за малейшую провинность – побои. А сдохнешь – не беда, пригонят следующих рабов.

Склониться ли под ударами судьбы – или все же сопротивляться? Использовать ли шанс бежать, рискуя жизнью, или упустить его – в надежде на милость тюремщиков? А если друг бежать не может, что делать? Остаться погибать вместе с ним или бросить его умирать в одиночку – и всю оставшуюся жизнь изводиться из-за этого? Казалось бы, какой смысл пропадать двоим – но отчего тогда на душе так невыносимо тяжело?

И когда наконец обрел свободу – пусть даже такой страшной ценой, – отчего бы не осесть, где придется? Почему тянет вдаль, за тысячи километров, туда, где петляет прозрачная речка, где мать до сих пор еще, наверное, с надеждой смотрит на дорогу? Зачем обрекать себя на новые мучения в попытках достичь невысказанно далекой цели? Или все дело в том, что везде ты – как в гостях, и лишь люди, на глазах у которых ты вырос, всегда поймут тебя и простят? Или действительно – в той самой березке? Вот, например, известный поэт-эмигрант еще в молодости, еще до отъезда из страны знал, что умереть ему хочется именно в родном городе, на Васильевском острове – сколько бы островов он впоследствии ни посетил. А если копнуть еще глубже, можно вспомнить великого скитальца Одиссея, которому тоже не сиделось на острове с прекрасной волшебницей – все тянуло обратно, на милую Итаку.

Так что же значит для человека родина и какова цена свободы? Автор поднимает эти вопросы, заставляя нас задуматься, а уж ответить на них себе каждый должен самостоятельно.

Моей жене Ане посвящается

Пролог

К железнодорожной насыпи подкатали к полудню, когда солнце взобралось в зенит и начинало припекать по-настоящему, по-летнему. Уставшие лошади лениво похрапывали на обочине, пощипывая жиденькую травку. Мужчины неспешно сгружали с повозок тяжелые мешки, лились разговоры, звенел женский смех.

– Красотища-то какая! – потянулся Ромка, шумно вдыхая апрельский воздух. Михей повел головой – полуденная картина радовала глаз. На солнечном бочке гривы нежилась ящерка. Шмель-непоседа загудел над ухом и потянул на пригорок у оврага. На опушке под стройными березками белели первые подснежники. Здесь, на припеке, Михея разморило. Хотелось упасть на сухую траву, прикорнуть после полутора суток пути.

Позади – почти полсотни километров по лесным ухабам и весенней хляби. Но сейчас хотя бы дорога стала сносной. А вот раньше... Михей вспомнил, как еще пацаненком ездил с батей на торги. Лошади тянули телеги по разбитой колее, увязая в межсезонье в топкой жиже. Одна поездка выматывала их так, что потом кони пару дней отдыхали в стойлах. То и дело приходилось чистить путь от вальняка, выталкивать норовившие засесть в грязи повозки. А весной реки вспухали от талой воды и выходили из берегов, размывая грунтовку. Деревенские помучились несколько лет и не выдержали – собрались всем миром и дорогу подлатали. Навозили с грив у болот песка, нагребли вдоль железнодорожных путей щебня. О ямах и колдобинах больше и не вспоминали, через речки Черманчет и Пенчет протянулись бревенчатые мосты, а на перекате Поймы выросла новая дамба. И теперь деревенские регулярно – раз в месяц – катались к «железке» с товаром.

Все, что было до Светопреставления, Михей помнил плохо. Да, жили они когда-то в Тайшете, маленький Мишка ходил в детский сад и радовался беззаботной жизни. Чуть ли не каждые выходные он с родителями гонял к бабке, в Иванов мыс – отдохнуть от будничной суеты. Семье посчастливилось гостить в деревне и в тот жуткий день, когда «ахнуло» так, что дрогнула земля, и на западе вспух за лесом огромный гриб. Крестились старухи, невидящим взглядом смотрели на горизонт мужчины, плакали женщины и дети. Позже разузнали, что случилась Большая война, и многие крупные города сровняли с землей. В трехстах с лишним километрах на западе лежал Красноярск, и мужики после болтали, будто вмазали тогда по нему ядерными бомбами и выжгли все подчистую. По слухам, здорово досталось и Иркутску – одни трепались, что прорвало плотину и залило полгорода, другие твердили, будто отравили все «химией». Вспоминали и про Москву, но толком никто ничего не знал. Почти сразу же «умерла» сотовая связь, а в радиоэфире поселились вечные помехи.

– Что же со столицей-то стало? – гадали жители деревни, когда высохли слезы и страсти немного улеглись. – Выжил ли кто?

– И по Белокаменной, наверное, вдарили, – говорили мужики посмышленнее, не верившие в то, что в Третьей мировой Москва смогла устоять против ракет врагов. – По ней-то в первую очередь и лупили.

– Ну, по Москве-то уж точно приложились, даже спорить нечего, – убеждал мальчишек сосед дядя Митя. – Знатный городище, бывал я там в молодости. Дома – во какие, метро – глубоченное, и людей – тьма-тьмушая, не продохнуть. Вряд ли уцелели. То ли дело – мы. Кому на глухомань охота ракеты тратить – стариков, что ли, с волками губить? Свезло нам, ребята.

Тайшет опустел двадцать лет назад, когда случилось Светопреставление. Хотя его и не бомбили, но местные охотники, зашедшие в город спустя пару месяцев после войны, нашли там одни трупы. А потом и сами долго болели. Никто не знал – отчего, но отныне южнее Нижней Заимки начиналась «дурная земля». Рассказы ходоков обрастали сплетнями, многократно перевирались, и трудно было из потока болтовни выудить правду.

Михей в байки селян не верил. «Врут они все», – убеждал он себя, страстно мечтая когда-нибудь отправиться в дальнейшее путешествие и разузнать, как же там живет, на «большой земле». Прозвище маленькому Мише приштопали товарищи, да так оно и прижилось. А потом не стало батьки, и Михею, которому стукнуло четырнадцать, пришлось брать хозяйство в свои руки. Поплакала мать и смирилась, углядев в сыне единственную надежду. И Мишка рос и мужал, хотя и прослыл на деревне отчаянным задирой и острословом, на чей неумный характер жаловались многие. Но друзья-мальчишки его ценили, а с Ромычем Михей сдружился так, что водой не разлить.

На торги уезжали на трое суток. Апрель доживал последние деньки, и минувшая ночь выдалась теплой. Бабы смеялись, пекли картошку в золе, разворачивали кули с пирогами. Мужики доставали из-под тюков запрятанные глубоко бидоны с брагой, густо солили луковицы, ломали домашние лепешки. До полуночи лились разговоры, а потом люди засыпали под треск костра и уханье неясити на болоте. Фыркали кони, жадно глотая талую воду из канавы на обочине. Михей задремывал, глядя в бархатно-черное небо – на россыпь звезд и ломоть медной луны. Убаюканный тихой песней костра, он думал о прекрасном.

Где-то страшная война пожгла полмира, переломала судьбы, поела тысячи жизней в одночасье. А здесь, в лесах Иркутщины, в стороне от крупных городов будто и не слышали про конца света. Словно отгородился их крохотный уголок незримой стеной от остального мира и жил как раньше. «Дай-то бог», – бормотала бабка Михея у древней иконы и размашисто крестилась. И невидимый всевышний, которому молилась старуха, будто внимал ее мольбам. Жизнь в маленькой деревушке текла спокойно и размеренно, и люди не ведали бед.

Набежали тощие облачка, и по насыпи поползли рваные тени. Ветерок взъерошил Ромкины волосы, зашелестела прошлогодняя листва. Михей снял с телеги последний тюк и оперся на оглоблю. Дрезина задерживалась – такое часто случалось, и караванщики привыкли. Товарищ забрался на повозку и, подогнув ноги, принялся хлебать прохладную воду из старой армейской фляги.

– Тихо, мужики! – дядя Антон поднял вверх палец. – Слышите?

Странный звук долетел из-за рощи, будто оттуда ехало нечто огромное. Что-то грузное двигалось по путям со стороны Кедрового.

– Похоже, состав идет, – сказал дядя Никита, почесывая бороду.

– Глупостей не говори, – отозвалась тетя Римма. – Какой еще состав? Откуда ему тут взяться?

– Да знать бы, – покачал головой Николай, крепко сбитый мужик, глядя туда, где железнодорожное полотно исчезало за поворотом.

– А ведь и правда на поезд похоже, – согласился кто-то. Повисло безмолвие – все стояли, глядя на пути, и чего-то ждали.

Невидимый состав приближался. Наконец из-за деревьев выползла туша локомотива, выдохнув темные клубы дыма. С макушки маневрового на оторопевших караванщиков глядел ствол пулемета. За «головой» состава угадывалась длинная вереница вагонов.

– Это еще что такое? – пробасил дядя Коля, осторожно потянул из-за спины ружье. Только сейчас Михей разглядел за орудием широкоплечего пулеметчика, огороженного стальными листами. Верзила зашевелился, и состав принялся сбавлять ход, тормозить.

Михей завороченно смотрел, как орудие поворачивается в их сторону. Дядя Коля перехватил поудобнее двустволку, но стрелок опередил. В воздухе хрястнуло, и Михей увидел, как пулеметная очередь состригла сухой чернобыльник на пригорке. Медленно, словно в страшном сне, дядя Коля выронил ружье и повалился на землю. Трава под упавшим телом обагрилась.

– Да что же это делается! – жалобно заголосила тетя Римма. Пулеметный ствол повернулся, глянул на оцепеневшую толпу черным зрачком дула. А потом из нутра одного из вагонов рявкнули командным голосом, и на пути сыпанули люди в «зеленке» с автоматами.

– Ружья на землю! – зычно грянуло над насыпью. Солдаты действовали невероятно быстро. Михей видел, как незнакомцы с оружием хватали кричащих баб за волосы и роняли на землю. Мужики испуганно и послушно становились на колени, но тех тоже били ногами и валили лицом вниз. Где-то стонала женщина, хрипел у самых путей дядя Никита.

– Неарон, загоняй стадо в вагон. Работяги нам пригодятся, – услышал парень властный голос. В нем звенела сталь, ему хотелось повиноваться. Но, несмотря на страх, Михей почувствовал, как в груди колыхнулась ярость.

– Твари! – оскалился он и повернул голову, желая взглянуть в глаза командиру нелюдей. Но тотчас к нему подлетели двое солдатиков с автоматами наперевес. Короткое выверенное движение – и Мишка повалился на землю, а под ребрами вспыхнула боль. Следующий удар пришелся в затылок и оказался куда сильнее предыдущего.

А потом наступило забвение.

Часть I

На краю земли

Глава 1

Тюрьма на колесах

Душная темнота и вонь грязных тел, сбившихся в кучу в тесном закутке вагона. Монотонное и унылое «ту-тук, ту-тук» – словно пульс огромного сердца. Колеса ритмично считают стыки рельсов, и с каждым ударом поезд уносится все дальше от дома. Знать бы только – куда? В щель между старыми досками обшивки полуденное солнце вонзило лучик света. Если прильнуть к «бойнице», то можно увидеть клочок вольного мира. Рваной полосой тянется за стеной лес, да иногда опрометью проносятся безымянные полустанки. Упрямо тащит локомотив вереницу вагонов – вперед, в неизвестность.

Половина теплушки отгорожена стеной, наспех сбитой из неструганых досок. Там, за перегородкой – вооруженная до зубов охрана. А здесь, с этой стороны – людское месиво. Ворочается в душной тьме и смраде, шевелится, точно скопище червей в навозной куче. Лиц не видно – темнота прячет затравленные взгляды, всклокоченные волосы, перемазанные грязью тела, скрывает боль и отчаянье узников.

Когда Михай пришел в себя, он не сразу вспомнил, куда занесла их нелегкая. Вокруг тяжело дышали и возились люди. Парень втянул ноздрями воздух, и в носшибанул запах нечистот. Мишка поморщился, но поборол отвращение. Порылся в воспоминаниях, выудил из памяти последние события. Перед глазами поплыли картины: громадный пулеметчик на крыше локомотива, дядя Коля, истекающий кровью, испуганное лицо тети Риммы. Все пережитое ими казалось страшным сном. Что вообще произошло?

Кто-то осторожно тронул Михай за плечо. Парень вздрогнул, глаза попытались отыскать в темноте невидимого соседа. Не видно ни черта, будто мешок на голову напялили. Силуэт придвинулся, контуры стали отчетливее.

– Мишань, очнулся? – прозвучал знакомый голос над ухом. Ромыч! Немного отлегло от сердца, и Михай поймал себя на мысли, что несказанно рад слышать друга. Товарищ жив – уже хорошо. Значит, еще повоюем.

– Ага, – выдавил он, прижимаясь спиной к стенке вагона. – Долго я так провалялся?

– Около часа, – отозвался Ромка. – Знатно тебя вырубил.

– Да уж. А куда нас везут? – осведомился Михай. Голова трещала, словно его огрели обухом топора.

– Знать бы, – раздалось из темноты. – Я уже спрашивал, да никто не в курсе. Здесь все пленные, как и мы.

– А кто тут еще?

– Да бог знает, – невесело отозвался Ромка. – Всех, кого подобрали – с собой тащат. Зачем-то мы им понадобились.

– А наши тоже здесь?

– Нет. Кажись, всех по разным вагонам рассовали, – сказал товарищ. – Я только дядю Никиту дозвался, он в дальнем углу сидит. Хорошо его отделали, когда нас вязали. Еле оклемался.

Михай подвинулся к стене, глаз прилип к «амбразуре». Там, на воле, стоял погожий денек. Летели мимо березы и елочки, мелькали жерди столбов. Словно не состав катился вдаль, а рощи и перелески торопились куда-то, убегая от поезда. Поглазев с полминуты, Михай ото-

рвался от бегущих мимо картин. Голова закружилась, и парень почувствовал резь в мочевом пузыре.

– Ром, а ссать в штаны, что ли?

– Там дырка в полу, – сказал Ромка и ткнул пальцем в темноту. – Только еще фиг доберешься.

Михей выматерился, и путешествие впотьмах началось. Пришлось ползти на коленях. Парень то и дело задевал кого-то, и потревоженное «препятствие» недовольно ворчало. Михей добрался до «очка», глянул вниз, на мелькающие шпалы. Отверстие, прорубленное в дощатом полу, – вот и все удобства. Резко ударил в ноздри запах отхожего места. Сидящие возле дыры люди-тени зашевелились, пропуская его по нужде. Михей кое-как справил нужду и полез обратно. В голове после удара прикладом гудело, словно туда забрался рой пчел.

Внезапно кто-то вцепился ему в руку. Парень вздрогнул, непроизвольно освобождаясь от хватки. Из темноты долетел знакомый голос.

– Мишка!

– Дядя Никита, – обрадовался Михей. – Как ты тут?

– Хреново, – посетовал мужчина. Слова давались ему с трудом. Может, его по лицу били?

– Айда к нам, – позвал парень.

– Не могу, – выдавил мужчина. – Нogu отбили и бок, суки. Шевелиться больно. Я тут посижу немного, отойду. Сам-то как?

– Терпимо, – ответил Михей. – По голове прикладом двинули, но до свадьбы заживет.

– Ты иди к Роме, – сказал дядя Никита. – Будет туго – позову.

– Хорошо, – кивнул парень, хотя мужчина вряд ли его видел. Стиснув шершавую ладонь односельчанина, Михей пополз обратно. Вдох облегчения вырвался из груди, когда он прислонился к стенке вагона возле Ромки.

– Башка трещит, – пожаловался Михей товарищу. Осторожно ощупал голову рукой – вроде бы не пробили. И то хорошо.

– Тебя, видать, знатно приложили, – расстроено сказал Ромка. – Ну надо же. Откуда эти черти только взялись? Вот тебе и съездили поторговать.

Рядом снова завозились. Качнулась в сторону Михея неясная тень, и в полумраке мелькнуло изможденное лицо старика.

– Сынки, пустите, немоготу, – просипел он. Двигался дед тяжело, на четвереньках. Сидящие рядом посторонились, и мужчина медленно, словно раненый боец, пополз к «очку». Справив нужду, он так же долго пробирался обратно, наступая на чьи-то ноги и руки. Тишина то и дело отзывалась ругательствами и ворчанием. Наконец дед пропихнулся на свое место и притулился возле друзей. Грудь его мерно вздымалась и опадала, дышал старик хрипло, будто неизлечимый астматик. Лучик света из щели пощекотал лицо мученика, и Мишка заметил, как из-под прикрытых век выскользнула одинокая слезинка. Она неспешно поползла вниз и спряталась в глубокой морщине.

– Дожить не дали спокойно, твари, – прошепелявил дед и закрыл глаза. Михей отвел взгляд. Вроде бы шевельнулась на дне души жалость, но чем он мог помочь? Парень прогнал грустные мысли и повернулся к Ромке.

– Сколько народу в вагоне?

– Человек двадцать, может, больше. Напихали нас сюда, как окуней в бидон. Даже не знаешь – чего от этих уродов ждать.

– Ничего хорошего, – прилетело из темноты. – Привезут сейчас в тюрягу, и будешь на эту сволоту спину гнуть, пока не сдохнешь. Коню понятно, что им рабочие руки нужны. Стали бы они нас просто так тащить невесть куда.

Михей и Ромка не нашли, что ответить незнакомцу. Уж больно услышанные слова походили на правду. Мишка вдруг припомнил рассказы бабки про то, как ее отца в войну утащили

в плен немцы. И пахал прадед на неприятеля три года в лагерях, чуть не окочурился. Бабка потом, когда говорила про каторжного папку – слезами обливалась. Михей и не вникал в болтовню старухи, а сейчас отчетливо понял, чего им грозит. Ожили в памяти бабкины рассказы, и в душе поселилась тоска.

Знать бы, что их ждет...

* * *

Время в темноте ползло медленно, будто издыхающая гадюка. Наконец грохнуло за перегородкой, дверь распахнулась, и в проеме возникла коренастая фигура с автоматом наперевес. Мощный торс затянут в резиновый костюм химзащиты, лицо – словно маска без эмоций, щека перепажана свежим шрамом. Глаза-щелочки уставились на узников с нескрываемым презрением.

– Эй, быдло, натягивай «резину», если еще жить хотите, – пробасил вертухай. – Кто решил сдохнуть – может не париться.

Второй боец охраны швырнул внутрь вагона изодранный мешок. На пол высыпались кое-как свернутые ОЗК, мелькнул фильтр старого противогаза. Со всех сторон потянулись дрожащие руки, и люди принялись остервенело хватать «химзу». Здоровяк в дверях с презрительной усмешкой глядел на возню пленных. Михей выхватил из кучи два грязных свертка, нащупал фильтр «газика». Но тут его кто-то больно пихнул в плечо.

– Отдай, мое! – озлился незнакомец и вцепился в противогаз мертвой хваткой. Дернув изо всей силы, он вырвал резиновый намордник из рук Мишки. Парень пополз было вперед в надежде наказать дерзкого, но тот уже канул в темноту вагона. Михей принялся слепо шарить по полу, но его дернули за рукав.

– Мишань, держи, – Ромка протянул товарищу противогаз.

– Спасибо, братишка, – скупой улыбнулся Михей, отдавая другу свернутый ОЗК. Стали облачаться в «химзу», но в темноте получалось плохо. Парни просто сунули ноги в чулки, кое-как запахнулись в плащи. Мишка надел противогаз, втянул воздух через фильтры. Рядом глухо выругался Ромка.

– Дышать-то как тяжело, – пожаловался товарищ. Михею и самому не хватало воздуха, будто невидимые пальцы стиснули горло. Снять бы поганный намордник да забросить в «очко». Нет, нельзя. Михей помнил рассказы деревенских мужиков про «грязные» земли. Придется терпеть.

– Ай-ай-ай, – запричитал кто-то в темноте жалобным голосом. – Не досталось.

– Чего ноешь? – поинтересовался один из узников.

– Противогаза не хватило, – посетовал несчастный. – Как же так?

– А ты иди, у охраны попроси, – предложили из темноты надтреснутым голосом. – Глядишь, поделятся.

– Думаешь, можно? Боязно как-то.

– А ты не ссы, – подбодрили его, хихикнув. Обделенный пополз к выходу, шурша полами плаща. Добрался до двери, кулак забарабанил по доскам.

– Ребята, откройте.

– Тебе чего надо, ушлепок? – долетел снаружи злой голос.

– Мне противогаза не досталось, – причитал мужичок. Все слушали жалостные речи несчастного, но никто не проронил ни слова. Михей почувствовал, как на самом дне души шевельнулось сострадание. Что теперь будет с этим человеком? Сумеет ли он выжить, когда поезд доберется до зараженных земель? Но как они могут помочь ему – пожертвовать противогазом, чтобы потом самим издыхать от неведомой отравы? Рядом тихонько хмыкнул Ромка,

но промолчал. Складывалось впечатление, будто все пленные в вагоне ожидали финала разыгравшейся на их глазах драмы.

– Вали к параше! – гаркнули из-за двери. – Не досталось – твои проблемы. У друга попроси, пусть поделится.

– Ну как же так, ребята, – снова запричитал мужичок. – Ну пожалуйста.

Щелкнул запор, и в нутро вагона брызнул свет. На пороге нарисовался тот самый здоровяк, что разбрасывал ОЗК и противогазы. Он сгреб несчастного за шиворот и выволок наружу. Дверь захлопнулась с грохотом, а спустя мгновение хрястнул одиночный. Охранники решили проблему куда более действенным способом.

Через секунду дверь распахнулась, и в проеме возник стрелок. Надеть противогаз он не успел, и Михай видел, как бешеная ярость перекосила лицо охранника.

– Ну, кому тут еще чего-то надо? – рявкнул вертухай, и ствол автомата глянул в темноту вагона.

«Просителей» больше не нашлось.

* * *

Вяло тянулись минуты, но ничего не менялось в мрачной темнице, куда судьба забросила двоих товарищей. Все так же стучали колеса, по-прежнему немилосердно воняло, да тихо бормотали невидимые узники. Михай устал пялиться в темноту, и глаз снова прильнул к «амбразуре». Парень глянул наружу и обомлел.

Как много воды! Настоящее море! Состав змеей полз по громадному сооружению, а далеко внизу плескались волны. Взгляд Михея притягивали кручи обрывистых берегов, стискивающих полноводную реку, и выгнутый коромыслом длинный остров вдаль. А еще дальше местность карабкалась ввысь, вздымалась зелеными хребтами, смыкаясь с синевой весеннего неба. Солнце било откуда-то сзади, и водная гладь сверкала ожерельями самоцветов так, что слепило глаза. Слева тянулись нестройные ряды стальных башен, а ближе к берегу жались трехногие мачты, оплетенные паутиной рваных проводов. Щурясь, Михай пожирал глазами открывшиеся картины и не мог наглядеться.

Наверное, у него невольно вырвался возглас изумления. Пленные заерзали, подвинулся ближе к другу Ромка.

– Что там? – тихо спросили из мрака вагона. Михею не хватало слов и эмоций, чтобы описать увиденное.

– Вода! Много воды внизу. И горы кругом. Где мы?

– Братская ГЭС, похоже, – сказала темнота грустным голосом. – По БАМу нас везут. Эх, Братск, родной город! Вот ведь занесло. Не верил, что когда-нибудь сюда опять попаду.

– Там еще живут? – спросил Ромка незнакомца.

– Какое там, – буркнул собеседник. – Жахнули за городом атомной. Даже и не знаю – спасся ли кто. Ладно хоть, что по плотине не саданули, а то бы залило тут все напрочь. Надо же, город стоит, а людей нет. Братск... Не думал я, что свидимся с тобой. Братишка, пусти, дай хоть одним глазком гляну?

Михей подвинулся, уступая место возле «амбразуры». Мужчина подполз к стене и прильнул к щели между досок. Он долго таращился наружу, словно впитывал открывшиеся ему картины. Что чувствовал незнакомец, смотря на родной город, который двадцать лет назад покинула жизнь? О чем думал, скользя взглядом по выжженным землям? Когда человек оторвался от «бойницы», он тяжело дышал, будто ему не хватало воздуха.

– Лучше бы не смотрел, – выдавил он и пополз к себе.

– Была Братская ГЭС, а теперь тут – братская могила, – грустно пошутил кто-то из темноты. И вагон снова погрузился в гнетущую тишину.

* * *

К вечеру состав подобрался к неизвестному поселку. Михей успел чуточку вздремнуть и сейчас опять изучал в «амбразуру» окрестности. Под стук колес мимо проплывали невысокие горы, одетые лесом. Взгляд скользнул по развалинам маленького поселения, задержался на темной воде узкой речки. В долине залегли вечерние тени, из-под пола тянуло прохладой. Дохнул ветерок, и у Михея заслезились глаза. Он попытался проморгаться, но тут за стенкой грохнуло, и дверь отворилась. Мужик, сидевший у входа, не успел отодвинуться и, получив здоровенного пинка, откатился в темноту. Проем перегородила туша верзилы.

– Ужин! – гаркнул вертухай, и внутрь вагона полетела котомка с затертым бурдюком. Многорукая толпа ожила и завозилась, раздались недовольные возгласы. Кто-то изо всей силы рванул старую ткань, и на пол посыпались заплесневелые сухари. Михей с отвращением глядел, как люди рвут друг у друга черствые куски хлеба. В животе протяжно заурчало, и голод вдруг напомнил о себе. Кажется, последний раз они ели утром. Парень увидел, как сидящий рядом незнакомец из Братска задрал край противогаза, и зубы его жадно впились в черствый сухарь. Из-под резины потянулась тягучая слюна. Всего несколько дней в «тюрьме» – и пленные стали превращаться в животных. Михей вдруг осознал, что и сам ничем не лучше других. Еще немного – и он так же, как и остальные, будет драться за грязный кусок хлеба, словно голодный пес на помойке. Мишке стало противно.

Придвинулся Ромка, протянул Михею что-то.

– Жуй, – посоветовал друг. – Кто знает, может, вообще больше жрать не дадут.

Михей послушался товарища и сунул кусок хлеба под резину противогаза. Сухарь оказался каменным, и парень едва не сломал об него зубы. От черствого хлеба несло затхлостью – такой у себя дома Михей не бросил бы и скотине. Но сейчас выбора не оставалось. Парень быстро сгрыз сухарь, и во рту пересохло. Наконец и до них дошел бурдюк с водой. Внутри плескалась жижа с терпким болотным запахом. Михей подождал, пока попьет товарищ, а потом приложился иссохшими губами к бурдюку. Грязная вода будто прибавила организму новых сил. Утолив голод и жажду, узники успокоились и притихли.

– А если бежать? – тихо предложил Михей, подвигаясь к товарищу.

– Да куда тут слиняешь? – раздосадованно буркнул Ромка. – Разве только в «очко» просочиться. Правда, широковат я для него, да и ты тоже не маленький.

Михей прижался к доскам, запрокинул голову. И правда – куда бежать, и главное – как? За стенкой – трое несговорчивых вертухаев. Эти цацкаться не будут. Приголубят прикладом или саданут очередь – вот и весь разговор. Он видел, что стало с тем мужичком, кому не досталось противогаза. Вся власть сейчас – у тех мордovorотов, и спорить с такими – себе дороже. Против автоматов не попрешь, чуть что – перестреляют, как собак.

Рядом еле слышно переговаривались пленники, кто-то сопел в углу. За стенками их тюрьмы медленно таял день. Иссая лучик света, сочившийся через щель меж досками. Михей припик к холодной стенке, закрыл глаза. Придвинулся Ромка.

– Так теплее, – усмехнулся товарищ, обхватывая колени руками. – Заснуть бы как-нибудь.

Ближе к темноте въехали в город, лежащий в долине между гор. Михей цеплялся взглядом за обветшалые здания, рассматривал пустынные улицы. Черная лента реки змеей огибала кварталы. В сумерках поселение нагоняло тоску и пугало. Окнами пилились в сумрак давно брошенные дома, да ветер гонял мусор по мертвым улицам. Там, где хребты гор смыкались с темнеющим небом, зажигались первые звезды. Приперлась незваным гостем тоска – хоть волком вой. Дико захотелось домой – лежать на мягкой кровати и смотреть, как за окнами мерк-

нет вечерний свет. Слушать, как потрескивают в печке поленья и возятся под полом мыши. Защемило сердце.

Похолодало. За стенкой вагона весело трещали дрова в буржуйке. Караульные, наверное, ужинали и что-то бодро обсуждали. Михей стиснул зубы, руками обняв колени. Глаза закрылись, но сон упрямо не шел. Парень принялся считать удары колес на стыках рельсов и так, незаметно для себя, провалился в дрему.

Во сне он видел мать. Она стояла на задворках и смотрела, как за березовой рощей гаснут последние всполохи дня. Женщина вглядывалась в одетую сумерками даль, и губы ее медленно двигались. О чем она думала? Четырнадцать селян, пропавших без вести, и среди них – ее сын. Михею казалось, что на щеках самого родного человека застыли слезы.

Спал он плохо. Тревожные сны мешались с видениями ушедшего дня, и Михей то и дело просыпался, стуча зубами от холода, вслушиваясь в звуки за стенкой. Рядом беспокойно сопел Ромка, возились и стонали во сне остальные пленники. А потом сон брал свое, и парень проваливался в темноту. Стучали колеса, считая километры, и поезд уносил их все дальше от дома.

* * *

Утро началось со стрельбы.

Не успел Михей толком проснуться и разлепить веки, как из-за перегородки долетели тревожные крики. А потом хрястнуло – раз, другой, и понеслось. Охранники секли кого-то автоматными очередями, из-за двери то и дело возбужденно кричали. Состав полз медленно, натужно, словно ему не хватало сил тянуть вереницу вагонов. Похоже, поезд шел в гору. С улицы истошно завопили, невидимой твари тут же ответила другая, третья подала голос сверху, с крыши вагона. Пленники жались друг к другу, и темнота наполнилась тревожными возгласами. Слаженно огрызнулись автоматы, и визг умирающей бестии резанул по ушам.

В смотровую щель Михея протиснулся длинный коготь, и парень от неожиданности отпрянул. Снова ударила очередь, – охранники умело отражали атаки врага. Поезд принялся набирать скорость, и крики неведомых зверюг затихли. А потом вагон погрузился в крошечную тьму.

– Туннель какой-то, – сказал Ромка. – А эти, похоже, отстали. Как они по ним палили-то! Видать, страшные твари.

– Да мне одного когтя хватило, – передернулся Михей.

Поезд катил по туннелю минут десять, а потом в щели снова брызнул утренний свет. Мишка осторожно прислонился к «амбразуре». Разглядел долину меж гор и высокие хребты, опоясанные облачной дымкой. Цепь каменных исполинов тянулась дальше, уходя к горизонту. Попросился посмотреть и Ромка. Горы притягивали взор, завораживали.

Вдруг всех взбудоражил испуганный возглас:

– Васька помер!

Михей повернул голову, взгляд устремился в дальний угол вагона, откуда прилетела печальная весть.

– Как умер? Что случилось? Ай-ай! – забормотала, запричитала темнота на разный лад голосами пленных.

– Да его ведь тогда еще здорово отходили, думали – не очухается. Все нутро ему отбили.

– Ну и ну. Похоронить бы по-человечески.

– Хорошо бы. Да кто даст?

– Да уж. У этих просить – себе дороже.

– Мужики, хватит вам, – донеслось из темноты. – Чего вы? Человек умер, давайте хоть помянем молча.

Стихли разговоры, и в вагоне воцарилась тишина. Когда «минута молчания» истекла, кто-то осторожно предложил спросить у охраны разрешения вынести покойника наружу. Мало кому хотелось ехать в одном вагоне с мертвецом, и многие одобрили идею. Михей, сидевший ближе всех ко входу, робко постучал в перегородку. Никакой реакции. Он попробовал снова, а потом еще. Никто не отозвался, и решили пока больше не испытывать судьбу.

Через час дверь распахнулась сама, в тихие вагонные разговоры вторгся суровый голос:

– Нате, хавайте! – мешок описал дугу и приземлился кому-то на макушку.

И снова – гнилые сухари и болотная вода, от которой разило тиной еще сильнее. Расхватав куски хлеба, люди принялись торопливо есть, начисто позабыв про покойника.

– Товарищ начальник, у нас тут это... самое, – осмелился и подал голос кто-то со стороны «очка».

– Чего тебе? – буркнул охранник, уже собравшись уходить. Михей вдруг вспомнил, что в дальнем углу вагона лежит мертвец. Встрепенулся – и ему стало стыдно и противно. За себя и всех них. За то, что в первую очередь бросились набивать животы, позабыв про человеческий долг.

– Покойник, – твердо сказал парень, глядя на вертухая. – Вынести бы.

– Чего? – повысил голос здоровяк, и взгляд уперся в Михея. – Вы его к нам хотите положить, что ли?

– Похоронить бы надо, – гнул свое Мишка.

– Больше ничего не хочешь? – нахмурился вертухай. – Мне что, из-за этого дохляка поезд останавливать? Хватайте вашего жмурика – и за борт. А ну, подорвались живее, пока я не передумал. Иначе вместе с ним до конечной поедете.

Спорить не стали. Раз Михей вызвался – ему и исполнять. Пробравшись к мертвецу, он глянул на сидящего рядом паренька.

– Бери за ноги!

Подхватив покойника, двинулись к выходу. Выволокли мертвое тело наружу под прищелчком охранника, подтащили к «закладке»¹. Вертухай стволом отогнал Мишку с парнем и ногой спихнул покойника на пути. Делал он это механически, словно обращался с вещью или бревном. Но за несколько секунд Михей успел разглядеть в проеме бескрайнюю водную гладь. Поезд ехал по неизвестному поселку, а за домами простиралось море, опоясанное цепью гор. Кое-где на остроконечных вершинах каменных великанов белели снежные шапки. Парень застыл, сраженный увиденной картиной.

Удар прикладом в плечо отрезвил, и грубый голос над самым ухом вернул в реальность.

– Чего тащишься? Живо в свой гадюшник!

В «темнице» Михей резво скользнул к стене и припал к щели. Он еще никогда не видел так много воды. Необъятное море притягивало взор, синяя гладь тянулась вдаль, насколько хватало глаз, и у самого горизонта сливалась с пушистыми перьями облаков. Волшебный вид завораживал, и парень не смел оторваться, позабыв про все.

– Где едем? – спросили из темноты.

– Да черт его знает, – ответил Михей. – Море большущее и горы. Красота невероятная.

– Байкал ведь! По БАМу же везут.

И полезли, толкаясь, люди-тени к щели. И смотрели, смотрели. Вздыхали, восхищаясь, словно видели не озеро, а картину великого живописца. И Михей потом опять глазел на это чудо, и легче становилось на душе. Словно уползли в темные углы вагона дурные мысли, будто умылся он водой удивительного озера и вдохнул свежего воздуха полной грудью. И скупая радость хоть немного, да согрела душу, и где-то внутри шевельнулась надежда.

А поезд все ехал и ехал по берегу Байкала и вез их далеко-далеко...

¹ Закладная доска на выходе из вагона-теплушки, чтобы человек не выпал при движении состава.

* * *

День полз вяло, словно червяк, в темноте и вони, под монотонный стук колес. Михай иногда подвигался к «амбразуре», чтобы взглянуть на мир за стенами их темницы. Поезд катил в долине меж гор, и белоснежные шапки, нахлобученные на вершины каменных гигантов, искрились в лучах солнца. Казалось, что вереницам кряжей и хребтов не будет конца. Изредка попадались брошенные поселки с полусгнившими домиками, заросшими бурьяном, пустынные платформы и одинокие строения. Михай все думал – а живут ли в этом горном краю люди? Но пока за всю дорогу он не увидел ни единого человека «за бортом».

Парень понимал – если бы не щель в стене вагона, он бы точно свихнулся. Застолбив с Ромкой место в самом углу, они по очереди любовались пейзажами. Дикая глухомань и безлюдье, подпирающие небо горы и девственная тайга. Изумрудные озера в седловинах, мосты, что чудом не рухнули за двадцать лет, петляющие в долинах красавицы-реки, омывающие подножия гранитных и базальтовых великанов. Чудесный, дикий край. И оттого так тоскливо было смотреть на него из крохотного окошка «тюрьмы».

Говорили мало, а когда открывали рты – все разговоры сводились к дому и конечному пункту назначения. К полудню пробрался к парням дядя Никита. Его встретили радушно, и он устроился рядом, у стены. Мужчина все больше тосковал и сидел молча, закрыв глаза. К полудню разрешили снять противогазы, и люди немного оживились. Михай стянул проклятый намордник и принялся жадно глотать воздух, словно только что вынырнул с глубины. Дышал, будто загнанный зверь, Ромка, сопел дядя Никита. И даже затхлый воздух вагона казался чистым и желанным.

По пути прихватили еще пленных – парни слышали стрельбу и стоны. К ним в вагон впихнули троих «новеньких», и сразу же стало невероятно тесно. Одним из «новичков» оказалась женщина. Уткнувшись лицом в ладони, она рыдала в углу. Михай слушал рев несчастной, и в душе вновь заворачивалась тоска.

К сумеркам погода испортилась. Ветер нагнал полчища туч, и небо гигантским прессом нависло над местностью, будто желало раздавить землю. По крыше забарабанили первые капли, в вагоне стало зябко и промозгло. Поезд то медленно и натужно взбирался на гору, то снова сползал вниз, в долину. Михай вдохнул стылый воздух, закашлялся. Сегодня вечером не дали даже гнилых сухарей. В животе урчало, но нечем было утолить проклятый голод.

Охранники у себя топили буржуйку. Сквозь стук колес Михай слышал, как весело потрескивают дрова. Представлял, что те ужинают, глотал тягучую слюну, пытаясь обуздать мысли о еде. Напрасно. Ему чудились бабкины пироги, наваристые мясные щи из печи и картошка, пышущая жаром. В ноздри лез запах призрачной еды, и парень злился на себя за эти думы, но ничего поделать не мог.

С темнотой дали ненавистную команду, и они снова нацепили «слоников». Михай опять шумно сопел, задыхаясь и проклиная все на свете. В эту ночь он спал без снов. Часто просыпался, стуча зубами от холода, желудок сводило, а в голову лезли совсем уж нехорошие мысли. Парень так отсидел себе ноги, что не мог встать. Одеревенелые конечности стали будто в два раза тяжелее, и даже повернуться получалось с трудом.

Ночью Ромка с Михеем снова жались друг к другу в тщетных попытках согреться. Хлестал по стенам теплушки дождь, и вроде бы где-то далеко, за горными хребтами басовито негодовал гром. Неровно дышал вагон, беспокойная тишина перемежалась стонами и сопением.

– Замерз как цуцик! – жаловался Ромка, стуча зубами. – Околеем тут на фиг!

– Ничего, братишка, потерпи! – подбадривал Михай товарища, хотя холод донимал и его. Казалось, будто ночью весь мир сжался до размеров их тесного вагончика. Когда-то мужики в деревне говорили, что живут они словно в тюрьме – вокруг зараженные радиацией земли

и мертвые города. Захочешь – не сбежишь. Но теперь парень понимал, что на самом деле чувствуют узники.

Медленно тащился в неведомое поезд, ползла следом за ними угрюмая ночь. Лезла настырно в душу тоска, глодала нутро, будто оголодавшая дворняга – свиную кость. Михей не выдержал и стянул противогаз. Хоть на полминутки – вдохнуть полной грудью ночного воздуха. Залетела через смотровую щель одинокая капелька дождя, легла точно под глазом. Или это его слеза застыла на щеке?

Уже и не разберешь.

* * *

В обед следующего дня Ромка не поделил сухарь с одним наглым крепышом, обитавшим по соседству с товарищами, около двери. Михею с первого дня он пришелся не по душе – постоянно ворчал, несколько раз даже бросил в их адрес что-то обидное. Тогда обошлось словесной перепалкой, но неприятный осадок и злоба в душе остались. А в этот раз все случилось стремительно и непредсказуемо.

Друг зазевался, ушлый парень вырвал сухарь у него из рук, и хлеб мгновенно исчез в полах плаща ОЗК. От неожиданности Ромка вскрикнул, рванул вперед и повалился на кого-то в темноте. Полилась отборная брань, и товарища с размаху двинули кулаком в скулу. Тот ойкнул и откатился к стене. Но в сумраке вагона Михей все-таки сумел разглядеть черты лица дерзкого. Бросившись на обидчика, он саданул что есть мочи. Противник заревел, вцепился Мишке в волосы на затылке, задрав резину противогаза. Из глаз брызнули слезы, и сильные руки придавили парня лицом к полу. Он замычал, пытаясь вырваться.

– Коооозееел! – яростно зашипела темнота. Казалось, что человек совсем обезумел. В горле у него клокотало, вся злость словно обернулась недюжинной силой, и мужчина остервенело тыкал Михея противогазным фильтром в доски пола. Наконец парень извернулся, и руки вцепились в шею драчуна. Колено Михея натолкнулось на что-то мягкое, и противник отчаянно засипел.

– Хорош! – крикнул кто-то. – Разнимай их!

– Убью, тварь! – хрипело над ухом. И вдруг в вагоне стало светлее. Вертухай передернул затвор, видимо, желая уgomонить дерущихся, но в этот момент Михея толкнули, и вместе с охранником он вывалился из душной «темницы» наружу.

Все произошло в мгновение ока. Вертухай впечатал ногу в грудь Михея, и тот отлетел к стенке. Верзила вырос над ним и ткнул стволом в лоб. Парень зажмурился, мысленно прощаясь с жизнью. Холод металла он почувствовал даже через резину. Время растянулось, даже колеса вагона стали стучать будто бы реже и тише.

– Отставить! – раздалось над ухом. – Колпак, выдохни. Этот финт крепкий, в хозяйстве сгодится. Пристрелить его всегда успеешь.

Холодный ствол нехотя отодвинулся. Смерть коснулась ледяными губами, но вдруг передумала, помиловала. Михей медленно открыл глаза, но тут же получил зуботычину, и властный голос приказал «метнуться в стойло». Распахнулась дверь, и вертухай ткнул парня в спину стволом. Миша плюхнулся на пол рядом с Ромкой. Он тяжело дышал, перед глазами все маячил вороненый ствол автомата и яростный взгляд охранника. Парень толком даже не успел осознать, что случилось. Рядом смерть прошла, разминувшись всего в паре шагов с костлявой.

– Хватит собачиться! – бросил кто-то из темноты. – Жить хотите или нет? И правда – как зверье. Скоро глотки друг другу грызть начнем.

– Не лезь лучше, – шепнул кто-то сбоку Михею. – Целее будешь. С голыми пятками против автомата не попрешь.

Тот в ответ только невнятно угукнул. Перекипела злоба, и Михай принялся постепенно остывать. Дыхание выровнялось, глаза стали привыкать к темноте.

– Спасибо, братишка, – Ромка стиснул ладонь друга. – Ты только не лезь больше на рожон. Не хочу, чтобы эти твари тебя в расход пустили.

– Не пустят, – усмехнулся Михай. – Погоди, еще отомстим этим гадам.

– Отомстим! – подтвердил Ромка и крепче сжал его руку.

* * *

Проковылял, словно дряхлый старик, еще один день. Колыхающаяся людская масса выдохнула, успокоилась. К вечеру снова посвежело, и узники готовились к долгой и холодной ночи. Смолкли проклятия, иссякли стоны и вздохи.

В желудке урчало, и Михай опять грезил щами и пирогами. Зря надеялись на ужин – видимо, сегодня вечером опять никто не собирался их кормить. Осталось тешить себя надеждами на завтрашний скудный «обед».

Михай старался больше дремать – да и чем можно было занять себя в вонючем, тесном вагоне? Но как только он закрывал глаза, в голову настырно лезли мысли о родной деревне. Они бередили душу, не давали покоя. Как ни повернись – все равно неудобно. Это не дома, на мягкой кровати. Поспит ли он когда-нибудь еще в своей постели?

Поезд натужно пер в гору. Фырчал локомотив, скрипели стальные сцепки, и Михею казалось, что это жуткое путешествие никогда не кончится. Вечно будут стучать колеса, а они – медленно гнить, пока смерть не возьмет свое.

Ночь черной птицей упала на землю, принесла промозглый холод. И парень понял, как он дико измотался. Усталость наконец взяла свое, и он провалился в сон, точно в глубокий колодец. И не мог из него выбраться до самого утра.

* * *

На исходе четвертого дня поезд все чаще стал сбавлять ход. Похоже, они прибывали в пункт назначения. За стенами вагона проплывали сопки, покрытые тайгой. Один раз, изучая в «глазок» окрестности, парень увидел большое озеро да какие-то полустанки – заброшенные, поросшие мелятником² и бурьяном. Он чувствовал – скоро их путешествие завершится.

Еще с самого утра в вагон ввалился караульный и велел снимать «резину». Ближайший к выходу мужик забубнил было что-то про радиацию, но тут же получил пинка в грудь и первым принялся стягивать ОЗК. Примеру последовали и остальные. Михай снял осточертевший противогаз, подавляя желание швырнуть маску в наглое лицо вертухая. Намордники покидали все в мешок, и охранник утащил его.

Все путешествие Миша с Ромкой гадали, куда же закинет их судьба. Ведь за это время проклятый поезд мог увезти их на самый край необъятной родины. Что ожидает их на новом месте – рабство или другая жизнь? Хотя в последнем Михай здорово сомневался. Да и чего хорошего можно ждать от людей-зверей с автоматами?

Поезд еле тащился, будто истратил все силы за четыре дня пути и теперь полз на последнем дыхании. Мишке казалось, что сердце стало колотиться чаще. Напряглись и остальные – стихли разговоры, словно люди молча готовились к чему-то. Наконец локомотив дал долгий гудок, завизжал металл, заскрипели железные сцепки. Состав дрогнул и замер, по вагонам прошла дрожь. Ожилились за стенкой караульные.

² Мелятник – мелколесье.

– Кажись, приехали, – пробубнил кто-то в темноте.

– Куда нас привезли?

– Знать бы.

– Эх, была не была. Все равно пропадать!

За стенкой возились и шушукались, охранники обсуждали что-то. Наконец дверь распахнулась, и здоровяк грубо крикнул:

– Слушай мою команду, падаль! Выпрыгиваем из вагона по одному, строимся вдоль путей! Кто попробует сбежать – пристрелю, как собаку!

Молчание – знак согласия. Вертухай встал у входа, криками подгоняя ораву пленников. Узники начали торопливо подниматься, потянулись к выходу. Под прицелами трех автоматов Михай пролез к проему, поднырнул под закладной доской и спрыгнул на насыпь. Следом выскочил Ромка, заморгал, будто слепой котенок. Тяжело спустился дядя Никита, – казалось, что ноги его совсем не держат. За троицей посыпались из вагона остальные пленные – оборванные и замученные, они жмурились и жались к путям.

Над головами – исполосованное слоистыми облаками, будто шероховатое, небо. Неродное, неласковое. Какие-то приземистые строения за «железкой» – выстроились в ряд вдоль высокой ограды, словно выросли в землю по самые окна. Рыжим лоскутом пламени вспыхнуло вечернее солнце на стекле одной из домущек, и стало совсем уж тоскливо. Впереди – забор из бетонных плит с «колючкой» по самому верху, справа – строения какого-то завода, полосатая труба, воткнутая в вечернее небо, причудливые сооружения вдали. А за далеким лесом догорает весенний закат – тревожный, беспокойный. И такой чужой.

Шеренга растянулась на сто с лишним метров. Михай жмурился и пытался разглядеть своих, деревенских, но так никого и не сумел увидеть. Неподалеку стоял, пошатываясь, дядя Никита. Выглядел он плохо – глаза слезились, руки дрожали. Ромка встал рядом, постарался поддержать мужчину. Вдоль насыпи бродили крепкие вояки с автоматами наперевес. Мимо шеренги прошелся мордастый здоровяк, пересчитывая людей, внимательно разглядывая каждого. Мишка про себя назвал его «свинорылом» – уж слишком противной оказалась харя у вертухая. Сосчитав и изучив пленных, мордастый крикнул:

– Загоняй стадо в перевалочную! Тихонов, рассортируешь этих – и по баракам. Мне еще в лесную бригаду отбери самых крепких.

– В шеренгу по трое вдоль путей – СТРОЙСЬ! – прозвучала новая команда. Измученные узники кое-как слепились в неровную шеренгу. Подгоняемая криками и пинками, нестройная колонна пленных потекла вперед, к высоченным стальным воротам с узорами ржавчины. Через минуту они шагнули на территорию зоны. Михай осторожно вертел головой, разглядывая новое обиталище. Тут и там виднелись приземистые бараки, старые и унылые. Парень насчитал с десятков дозорных вышек, на смотровых площадках торчали часовые с оружием. Территорию зоны опоясывал забор из бетонных плит, тесно подогнанных одна к другой. Поверх ограды – щетинистая «колючка» в три ряда – не перелезть, не удрать. Лязгали где-то колодезные цепи, звонко ржала лошадь, долетали громкие команды надзирателей. А еще Михай видел людей – оборванных, грязных и жалких. Ручейки эзков с котелками в руках стекались от барачных в общую реку, и та устремлялась к центральной площади – похоже, подошло время ужина. Дохнул легкий ветерок, и вместе с вечерней прохладой и дымом печей повеяло грустью и безнадеей.

«Перевалочную» парень приметил сразу. Кособокий барак с прохудившейся крышей, без единого окна. Потемневшая гнилая дверь болталась на одной ржавой петле. Подстегиваемая командами, колонна пленников доковыляла до входа в строение.

– Внутри и по нарам! – рявкнули сзади. Теснясь и толкаясь, нестройная толпа стала просачиваться в «перевалочную». Михай больно ударился головой о низкий косяк и нырнул в сырой полумрак барака вслед за Ромкой. За ними проковылял дядя Никита.

Одна дохлая лампочка еле выжимала скудный свет, и повсюду лежали густые тени. Мишка словно вернулся в темный вагон. Смрад, теснота и мрачное ощущение безнадеги. Сырой земляной пол, вдоль стен – узкие дощатые нары в два яруса. Во многих местах доски уже прогнили и потрескались.

– Ну все, ребятушки. Теперь это ваш дом родимый, тут и помрете, – ляпнул кто-то из угла барака. У нар в сумраке маячила неясная тень.

– Да не собирались пока вроде, – мрачно отозвался Михей.

– Да тут никто не собирается, – говоривший оказался тщедушным мужичком с бельмом на одном глазу, руками-плетями и кривым ртом, он непрерывно дергал головой. – А придется. Отсюда еще никто не убежал.

– Куда мы вообще попали? – спросил мужика Ромка. Тот криво усмехнулся и присел на гнилые доски нар.

– Тюрьма тут, – выплюнул «бельмоглазый». – Сейчас вас рассортируют, а завтра уже на работы погонят.

В барак набилось народу – не продохнуть. И ни единого окна – лишь рваная дырка в потолке, в которую заглядывало сизое вечернее небо. Прихромал дядя Никита – замученный до полусмерти, со вселенской грустью в глазах. Его мотнуло, и мужчина вцепился в плечо Михею.

– Ребята, куда нас притащили? – еле выдавил дядя Никита. Казалось, он сейчас рухнет на пол. Миша поддержал его, помог сесть на нары.

– Не знаю, – покачал головой парень. Ему вдруг стало жалко земляка. Дядя Никита выглядел плохо – темные мешки под глазами, дрожащие руки. Будто все силы из него выжали, ни капельки не оставили.

– Спроси у них, – тихо попросил односельчанин. Михей молча кивнул и шагнул к «бельмоглазому».

– Отец, где мы? – осведомился парень у оборванца. Дергая головой, тот тяжело произнес:

– В аду, ребят.

– Какой город? – надавил на последнее слово Михей. Бельмоглазый посмотрел на парня и грустно выдохнул:

– Комсомольск-на-Амуре.

Мишка обернулся и увидел, как руки дяди Никиты безвольно опустились. Мужчина прижался головой к дощатой стене и заплакал.

Глава 2

Погребенные заживо

Полчаса в сырой темнице «перевалочной» показались Михею вечностью. «Комсомольск-на-Амуре» – парень мусолил на губах незнакомое название. Из слов отчаявшегося дяди Никиты Михей уяснил – судьба закинула их в такую задницу, что теперь пиши пропало. Поник и Ромка – присел на гнилые нары, ссутулился.

– НА ВЫХОД! – рявкнули с улицы, и барак оживился. Узники затолкались, людское месиво поперло к двери. Скрипнули гнилые петли, и легкий ветерок овеял высохшие, измученные лица пленных.

– В одну линию – СТРОЙСЬ!

Голос противный, трескучий, будто скрип гнилого дерева. Люди зашевелились, принялись строиться. С краев неровной шеренги замаячила охрана с автоматами наперевес. Все как на подбор – мордастые, крепкие, лица словно вытесаны из бездушного камня. Нарисовался новый командир – долговязый усач в пятнистом армейском бушлате. Взор его небрежно скользнул по строю пленных.

– Свежая кровь! – довольно ухмыльнулся усатый. – Веденей, молодых – сразу в лес. Им там народу не хватает. Баб и стариков – на огороды. Еще десяток – мне на склады и перегонку. Занимайся!

Вдоль шеренги прошелся вертухай, которого Михей прозвал Свинорылом, ткнул пальцем в нескольких. Друзья попали в число «меченых». Новобранцам в лесную бригаду приказали сделать два шага вперед, и Михей насчитал девять человек вместе с ними. Стегая командами, Свинорыл принялся сортировать остальных. Скрипя и покачиваясь на ухабах, подкатила повозка, запряженная крепким жеребчиком. Косматый бородач осадил лошадь и стал развязывать холщовый мешок.

– РАЗБИРАЙ ПОСУДУ!

Извозчик принялся швырять мятые армейские котелки под ноги заключенным. Михею достался с оторванной ручкой и дыркой в боку. Парень глянул внутрь – присохшая грязь по краям да сажа. Его передернуло.

– Товарищ начальник, – надменно возвысил голос Михей. Он пытался сдерживать себя, но злоба просачивалась вместе со словами. – Котелок дырявый.

Вертухай обернулся и впервые за сегодняшний день щербато ухмыльнулся:

– А ну-ка, дай посмотрю.

Свинорыл взял котелок, покрутил перед глазами. И вдруг наотмашь врезал им по лицу парня. Кусок отломанной ручки оцарапал щеку, и посуда плюхнулась у ног Мишки. Он нагнулся за упавшим добром, но тяжелый удар повалил его наземь.

– Тебе руки для чего? – прогремело над ним. – В дерьме только ковыряться? Заткнешь пальцем, когда жрать будешь.

Михей торопливо поднялся, закрывая ладонью пылающую щеку. Его трясло от ярости, но он старался не давать воли эмоциям. Парень вспомнил обделенного противогазом из вагона и попытался успокоиться, унять дрожь в руках. Вертухай небрежно оглядел шеренгу и отступил на несколько шагов.

– Кому еще чего-то не нравится? – рыкнул охранник. – У кого еще котелок дырявый? Или кто-то хочет дыру в брюхе? Вопросы есть?

Тишина.

Михею и Ромке вместе с остальными новобранцами-лесорубами приказали отойти в сторону. Охрана снова принялась сортировать рабов, и вскоре перед баракom выстроилось

несколько групп заключенных. Дядю Никиту отправили на «огороды». С лагерной площади вдруг долетел протяжный звон. Вертухай оживились.

– СТРОЙСЯ НА УЖИН! – раздалась новая команда.

Узники кое-как выстроились в колонну, и та двинулась к плацу в центре зоны. Очередь за вечерней баландой тянулась через всю площадь и загибалась за угол крайнего барака. Михай зыркал на заключенных: здесь толпились и мужчины с женщинами, и немощные старики, и даже подростки. Крепкие и рослые, видимо, недавно попавшие сюда, и живые мертвецы в лохмотьях, еле ковыляющие. Толкаясь, очередь неторопливо ползла к раздаче.

Кухня – небольшой чистенький барак на краю площади – глазела крохотными окнами-бойницами. У громадного чана ловко орудовал черпаком рябой повар, плеская в подставленные котелки эков жалкое подобие похлебки. Тут же неподалеку виднелись выгребные ямы, и в ноздри Мишке поползли зловонные миазмы. Перло невыносимой тухлятиной, но узники, казалось, совсем не замечали тяжелого смрада. Получив черпак серой жижи, они не уходили далеко, а проглатывали ужин прямо тут, у помоста. Пили жадно, через край котелка, обжигаясь горячей баландой. Куски ломкого отрубного хлеба эки прятали за пазуху – видимо, чтобы съесть потом, в бараке.

Наконец подошла их очередь. В дырявый котелок Михея повар небрежно плеснул мутной жижи с редкими ошметками картошки и капусты. Из дырки сразу потекло. Парень заткнул пальцем отверстие, обжегся, и похлебка просочилась ему на штаны. Сбоку его небрежно пихнули, и Михай встретился глазами с недовольным эком.

– Очередь не задерживай, тут все жрать хотят!

Наградив парня гневным взглядом, сосед занял его место возле чана. Желудок заурчал, почувствовав горячее. После четырех дней гнилых сухарей и болотной воды Михай жадно набросился на похлебку, обжигая руки и губы. На вкус баланда оказалась мерзкой, но выбирать не приходилось. Приговорив еду, парень оторвался от котелка, чтобы перевести дух. Рядом Ромка, скривив лицо, тоскливо хлебал свой ужин.

– Чего морщишься? Жри, пока не отняли, – просипел сосед, плешивый мужик со шрамом в пол-лица. – А то потом падать будешь с голодухи. И рожу не вороти – тут от брезгливости быстро отвыкают.

Кусок пайкового хлеба Михай сунул во внутренний карман. Поеввшие «новобранцы» выстраивались неподалеку в колонну по трое под команды надзирателей. Друзья втиснулись в шеренгу, а сзади уже напирала остальные.

– Ну и жранина, – горестно посетовал Ромка. – У меня Бобик лучше ел.

Мишка хотел что-то ответить другу, но увидел, как недобро зыркнул на них вертухай, и промолчал. Вечерело. По накату темнеющего неба скользили лоскуты облаков, скатываясь к забору у дальнего конца зоны. Наконец к хвосту колонны прилепились последние из отужинавших, и конвоиры погнали их к баракам.

– Хорошо хоть, что нас вместе в лес кинули, – осторожно толкнул Михея Ромка. – Удрать бы оттуда.

– Увидим, – кивнул тот, скользя взглядом по зоне. – Охрана тут – будь здоров. Еще надумаешься, как слинять.

Он осмотрел бетонный забор с колючкой, часовых на вышках. Только рыпнись – вмиг пристрелят. Да и как бежать? Увезли их на край света, черт знает куда. Если даже и вырвешься за ограду – что потом? Нахлынула тоска, а вместе с ней – и злоба.

Вскоре их колонну раздробили на несколько групп, и лесорубов с каменщиками погнали в дальний угол зоны. Новый дом Михай углядел издали – большой бревенчатый барак с покатой крышей, без единого окна. У крыльца сидела тройка эков, наблюдая за ними.

– Эй, бригадир, – крикнул вертухай. – Принимай пополнение. Чтоб завтра в строю были и тупых вопросов не задавали. Усек?

Один из мужчин – плечистый амбал – хмуро кивнул в ответ, изучая новобранцев. Мишка стойко выдержал каменный взгляд. Бригадир был бы, наверное, вдвое здоровее, если бы в тюрьме кормили получше. Квадратное лицо, поросшее жесткой щетиной, выпирающие скулы, дуги кустистых бровей. Рот перекошен на одну сторону, точно свезли его метким ударом. Глаза смотрят недобро, будто просвечивают насквозь. Неприятное лицо, отталкивающее.

– Так, зелень, – прогремел басовитый голос. – Теперь я у вас вместо мамки. Звать меня Вячеславом, будете в моей бригаде в лесу работать. Завтра на месте обучитесь. Говорю сразу – бежать бесполезно, охрана махом пристрелит. Кто драпать пробовал – за оградой в яме гниют. Тут все просто – кто хорошо работает, тот жрет. Халтурщики в лесудохнут через месяц. Кто не верил – уже скопытился. Глупых вопросов не задавать. Усекли?

Новобранцы молча кивнули. Михей глянул на кулачищи новоявленной «мамки» – огромные, точно кувалды. Такой одним ударом быка свалит.

– Молодняк, за мной, в казарму, – махнул рукой Вячеслав. – Теперь тут будете жить, пока не сдохнете. Одежда у вас сносная, на первое время сойдет.

Друзья шагнули вслед за бригадиром в сумрачное нутро барака. Дохнуло в лицо затхлостью и кислятиной. Мишка точно забрался в утробу гниющего заживо монстра и теперь разглядывал его изнутри. Длинная кишка коридора со столбами-стойками, подпирающими потолочные балки. Бревенчатые стены, проконопаченные волглым мхом. В углах – космы паутины, темные пятна от сырости. С потолка глядят щелями подгнившие доски, вымоченные дождями и подточенные короедом. Две больших печи по концам барака, за тонкой заслонкой ворочается пламя, потрескивают полешки. Вдоль стен тесными рядами – двухъярусные нары. Тут и там на них вповалку – люди: вымотанные непосильной работой, выжатые, без капли радости в глазах.

– Да-а-а-а, – только и смог выдавить парень. Ромка тяжело выдохнул, потупил взгляд. Говорить не хотелось.

Над печкой на веревке сушились рваные портянки и ватники. Рядом на лавке пристроился горбатый дед с плешью в полголовы. Лицо изрыто морщинами, один глаз словно выцарапан. Завидев новобранцев, одноглазый грустно улыбнулся.

– Молодежь пожаловала! – поцедил он. Люди на нарах завозились – узники разлепляли веки, чтобы посмотреть на «пополнение».

– Ну, вот и дома, – буркнул бригадир и ткнул пальцем в угол. – Обустраивайтесь. Это Рафик, наш дневальный.

Старик сдержанно кивнул и взгромоздил на печку котелок с водой. Где-то еще лились неспешные разговоры, но многие лежали, уткнувшись в стену, укутанные обрывками тряпья. Вспыхнувший интерес к новеньким быстро угас. Михей тяжело опустился на дощатые нары, Ромка присел рядом. Пришлось пригнуть голову, чтобы не стукнуться о доски верхнего настила. С одной стороны, закутанный вытертой фуфайкой, дремал неопознанный сосед. Рядом Мишка увидел парня, что ловко колдовал над кусочком пемзы, орудуя маленьким камешком. Глянул – что-то вроде цветка получается. Или показалось?

– Это чтобы не свихнуться? – криво улыбнулся он, глядя на творение соседа. Парень поднял взгляд.

– Типа того, – слабо усмехнулся он. – Красота спасет мир.

– Но сбежать отсюда она тебе не поможет, – съязвил Михей.

– Это точно, – согласился парень. – Но хотя бы не озверею.

Миша внимательно изучал соседа. Худющий, как соломина. Сплюснутый овал лица, жиденькая рыжая бородка да тощая полоска усов. На голове – мешанина грязных волос. На вид – одного возраста с ними. Взгляд – простой, добрый, с грустинкой.

– Ну как, сложно тут не озвереть, когда жрешь дерьмо и пашешь от заката до рассвета? – спросил Михей, продолжая следить за руками соседа. – Давно здесь?

Рыжебородый оценивающе оглядел новых знакомых и бросил встречный вопрос:

– Новенький?

Мишка небрежно склонил голову.

– Угу.

– Пока вроде не озверел, – усмехнулся парень и протянул мозолистую ладонь. – Меня Лехой звать. Народ еще Эстетом кличет. Третий год тут. Обжился и свyksя, похоже, что здесь и сдохну. Хотя пытаюсь верить в лучшее.

– Миха, – протянул руку Михей, сдавил тощую ладонь соседа. – Это Ромыч, дружище мой. А чего такое мудреное прозвище?

– Ценитель прекрасного, мать его. Книжки любил читать, пока сюда не загремел, рисовал. Отрисовался, похоже.

– А я с книгами не сдружился, – сказал Мишка. – Не сложилось как-то у нас. Были в деревне книжки, и я, когда мелкий был, утащил одну в сортир. Жопу хотел вытереть. Эх, и высыпал мне папка тогда. Я их еще больше невзлюбил.

– Это ты зря, – пожурил Эстет. – Их ведь больше не печатают. Грех жопу книгами подтирать. Их читать надо.

– Ну, так шкет глупый был, чего с меня взять? А ты где тут спину гнешь? – осведомился парень.

– Каменщик, – отозвался тот. – Строим дома нашим добрым господам.

– А в лесу не работал?

– Какой мне лес? – развел руками Эстет. – Я там окочурюсь через месяц. Ты посмотри на меня.

Михей окинул взглядом Леху. Дрищ дрищом. Худосочный, болезный. И в чем только душа держится?

– А бунтовать не пробовали? – тихонько осведомился Ромка. Эстет вдруг посерьезнел и подвинулся ближе к друзьям.

– Тсссс! – шепнул он. – Наседки кругом. Сейчас какой-нибудь Большой Ух нас услышит, а завтра будете в карцере гнить. Пробовали, конечно. Правда, еще до меня.

– И чего?

– И ничего, – развел руками Леха. – Человек тридцать положили, еще столько же в карцере сгноили. Для устрашения. Больше никто не бунтует. Отбунтовались.

– Смирились, значит, – поморщился Михей.

– Смирили, – метко поправил Эстет. – И не ерничай. Самых смелых и говорливых тут на первой неделе за оградой закапывают.

– Спасибо, что предупредил, Леха, – кивнул Ромка. – А как этот, бригадир ваш? Суровый дядька?

– Батя? – уточнил Эстет. – Нее, Слава – мужик нормальный. Он такой же зэк, как и мы, разве что должностью повыше. Это на вид он суровый, а так – свой в доску. Будешь слушаться – поможет, нет – огребешь. Тут все просто. И это... Не злите его без причины – он того... контуженный немного.

Рафик приволок в мятном ведре воды и стал протирать полы. Загремели у входа сапоги – обитатели барака возвращались с ужина. Вымотанные работой узники со вздохами лезли на нары.

– Мишань, давай обживаться, – предложил Ромка. – Кажись, мы в этой берлоге надолго застряли.

– Похоже, – сморщился тот и полез наверх. Из угла прилетел удивленный возглас, и полилось недовольное бормотание дневального. Михей увидел, как лицо старика перекосила злоба. Рассерженный дед поковылял к бригадиру, роняя ругательства. Рафик тихо что-то шепнул Бате на ухо, и глаза того вмиг налились яростью.

– Где эти твари? – взревел Вячеслав на всю казарму так, что Эстет вздрогнул от неожиданности.

– Недавно тут были, – отозвался дневальный. – Видел я – терлись около моих нар. Кому еще?

– Шкерятся, дрянки! – крикнул бригадир. – А ну, выходи, залупанцы!

– Чего случилось? – поинтересовался Мишка у Лехи. Тот сдержанно улыбнулся.

– Да мелкие опять пакостят. Похоже, стырили у Рафика пайку. Ничего, сейчас Батя разберется.

Парень видел налившееся кровью лицо Бати, заметил, как тот сжал пудовые кулачищи. Воришек бригадир нашел возле подсобки. Троица пацанов лет пятнадцати заныкалась в дальнем углу, у печки. Самому резвому, что попытался удрать, Вячеслав влепил со всего маху оплеуху, и тот повалился на пол. Остальные двое дернулись было, но Батя цыкнул так, что пацанье мигом примолкло.

– Сожрал дедову пайку? – зарычал он, глядя на поверженного.

– Да, – проблеял паренек и тут же словил еще оплеуху. Из кармана его вывалился сухарь. Батя увидел хлеб и шумно засопел.

– ВСЕ В БУНКЕР-НАКОПИТЕЛЬ! – гаркнул он, указывая рукой на открытую дверь подсобки. Казалось, этому голосу нельзя не повиноваться. Глаза бригадира будто метали молнии, слова били хлеще тяжелых кулаков. Озираясь, пацаны вдоль нар потянулись в пристройку.

– СНИМАЙ ШТАНЫ, СВОЛОТА!

Испуганные паренки дрожащими руками принялись стягивать штаны, поглядывая на свирепого Батю. Мелькнули худущие голые бедра. Тут же стояли черенки для метел. Бригадир выхватил короткий, примерился.

– А ну, в позу горного барана – СТАНОВИСЬ!

Посыпались удары. Из подсобки, воя от боли, вылетали воришки, потирая исполосованные зады и на ходу натягивая штаны. Лица их были перекошены страданием и испугом.

– Эй, губастый, чего жопой трясешь? – рыкнул Батя. – А ну, штаны надевай – и живо на шконки упали!

– Ну вот, справедливость победила, – весело улыбнулся Эстет. – Батя немного остынет, и они опять тырить начнут. Горбатого могила исправит. Все, парни, отбой. Сейчас свет гасить будут. Выспаться надо, первый день – всегда самый тяжелый.

– Спать так спать! – выдохнул Ромка и упал на нары. Михей устроился поудобнее на верхнем ярусе, прикрылся бушлатом. Вдруг парень вспомнил про заначку и полез за пазуху. Пайковый хлеб оказался черствым, но Михей сгрыз его одним махом.

– Вот и день прошел, – страдальчески донеслось из темноты.

– Ну и на хрен он пошел, – зло отозвался некто невидимый из угла. «И так вся жизнь пройдет», – вдруг мелькнуло в голове у парня, и на душе стало скверно.

– Спокойной ночи, братишка, – Ромка протянул снизу руку. Михей крепко стиснул его ладонь, точно пытаясь передать товарищу толику зыбкой уверенности. Свет погасили, и темнота надвинулась, загустела. Смолкали вздохи и проклятия, и каторжные думали только об одном – о долгожданном отдыхе. Мишка закрыл глаза, но вопреки невероятной усталости сон не шел.

Парень еще помнил телевидение – и сейчас ему казалось, что он просматривает старый фильм. Сознание расстелило перед ним полотно воспоминаний с вышитыми на нем яркими бусинами памятных событий. Навалились картины из прошлого, и Михей вдруг окунулся в далекое детство. Увидел изумрудно-голубую воду Бирюсы, где он пацаненком таскал у Горелого дуба полосатых окуней. Вспомнил, как с мальчишками в теплой весенней ночи травили байки у костра, а искры летели в чернь бездонного неба. И как он обстреливал земляными комьями уток на озере, а дед Иван отчаянно ругался, что пацанье «полохает скотину», гонял

мальчишек березовым дрыном и жутко матерился. И много чего еще лезло наружу из глубин памяти – доброго и светлого.

Глаза заслезились, будто в них бросили песка. Или это все же тоска искала выход, рвалась из груди на волю? Михей весь день пытался разглядеть в толпе заключенных своих, деревенских, но так никого и не увидел. Видимо, сгрузили их на подъездах к городу. Где они сейчас – на самом краю света? Не видать им теперь никогда дома. Тысячи километров до него, мертвые земли и города. Будто тьма легла между ними и родным краем, и в ней – ни проблеска света, ни искорки надежды.

* * *

Не успело еще утро заглянуть в барак, а новый день тюремной жизни уже начался. Грохнула входная дверь, застучали тяжелые берцы охранников, потянуло холодом. Начиналась побудка.

– ПАААДЪЕЕЕМ! – мерзкий голос рвал сон в клочья. Со всех сторон зашевелились и забормотали. Вспыхнул тусклый свет, и Михей захлопал отяжелевшими веками.

– Подъем, твари! – раздалось над ухом, и кто-то так сильно дернул парня за ногу, что он едва не слетел с нар. Перед глазами мелькнуло злобное лицо разводчика, и вот уже вертухай отправился дальше – выдирать из сна других.

– ПААДЪЕЕЕМ, ЧЕРТИ! Сдохните – выспитесь!

– Сдирай свою жопу с нар, чучело!

– На работу, падаля!

Приковылял Рафик. Старик вел себя куда вежливее разводчика – обходил нары, осторожно трогая каждого за плечо. Словно священник, провожающий приговоренных на казнь, он подходил к спящим, заглядывая в глаза.

– На работу, мужики, – с горечью и состраданием говорил дневальный. – Пора вставать.

С нар сползали измученные коротким сном заключенные. Опустели веревки над печью – эки натягивали непросохшие ватники, пеленали ступни в грязные портянки. Выстроилась очередь к параше. Справившие нужду смачивали лицо ледяной водой из ведра и ковыляли к выходу.

На улице только-только развиднелось. Сумерки дышали прохладой, на лужицах хрустел ломкий ледок. Из рта вылетали облачка пара. Зубы Михея отстукивали бодрый ритм, рядом дрожал Ромка. Подходило время завтрака, и со всех сторон тянулись к раздаче эки – жалкие, оборванные, еле переступая отяжелевшими от короткого сна ногами. У Михея создалось впечатление, что ночной отдых еще больше измотал несчастных.

Баланда оказалась холодной и жидкой. Парень проглотил ее в несколько глотков тут же, у помоста, поморщился. После трапезы Батя сделал переключку и повел две бригады лесорубов к «проходной». Эки парами топали по торной дороге. Михей с Ромкой пристроились почти в самом конце.

– Третья и четвертая лесная – СТРОЙСЬ!

Вячеслав отрапортовал караульному и ушел в голову колонны. Михей повернулся, осматривая зону. Бригады расползались на работы, откуда-то еще долетали команды старших и охранников, звенели колодезные цепи. Из трубы кухонного барака тянулся пушистый хвост дыма. Парень глянул на обметанные инеем заграждения из колючей проволоки и погрустнел.

– ОТЧАЛИВАЙ! – долетела сзади команда, и колонна натужно сдвинулась с места. Морозило. В рассветном небе таяли звезды. Рваные тучи уползали вдаль. Михей огляделся – позади них высилась будто обломанная громадными руками труба и какие-то пузатые строения. А дальше местность горбилась невысокими горами, и за ними уже алел горизонт. Сомкнулись за спинами лесорубов створки ворот – начинался трудовой день.

Батя предупредил с вечера, что до места работы – около семи километров. Дорога, стиснутая молодой порослью, серой лентой ползла вдаль. Шагали споро, без остановок. Через час с лишним свернули с асфальта на грунтовку и вскоре достигли обширной делянки, врубавшейся массивным клином в лес. Тут и там торчали пеньки и громоздились горы сучьев.

Михей глянул вверх. Ветер, точно метлой, вымел рваные клочья облаков. Синева весеннего неба радовала глаз и заставляла тосковать. Лес стоял замороженный, притихший.

– По участкам – РАЗОЙДИСЬ!

Бригадир раскидал короткие указания и повел свою пятерку к ближнему краю вырубki. Охрана следовала по пятам. Зэки рассыпались по делянке – каждая бригада оказалась привязана к своему участку. Инструмент прятали здесь же, под кучами веток. Закипела работа. Вячеслав валил лучковой пилой деревья, еще двое очищали их топорами от сучьев. Мишке с Ромкой досталось распиливать стволы на короткие катыши. Менялись примерно каждый час, отдыхать почти не приходилось. Разок Михей засмотрелся на чистое весеннее небо – и тут же получил прикладом в плечо.

– Чего тарачишься? – набычился караульный. – А ну, вали работать.

Мишка тяжело выдохнул и снова принялся махать топором. Рядом нарисовался Батя. Толкнул парня в плечо, бросил хмуро:

– Ускорьтесь. План не выполним – жрать не дадут вечером. Тут все просто. Поработал – пожрал. У них нормы посчитаны.

– Считать – не лес валить, – буркнул Михей и взялся за топор. И опять затянула товарищей круговерть работы. Валили деревья, пилили на катыши, чистили от сучков. Мишка согрелся и не замечал, как бежит время. К полудню дали немного передохнуть. Арсений, невысокий мужичок, теперь орудовал у костра, болтая в котелке сосновой веткой – варил баланду. Днем пригрело, и многие снимали бушлаты и фуфайки. В глазах лесорубов ненадолго блеснула радость.

– Сегодня обедаем, – сказал Арсений Михею. – Не каждый день тут едим. Бывает, что только утром хлебнешь холодной баланды – и все. До вечерней пайки терпи. Вчера крупы малость раздобыли – сегодня живем. Сейчас, мужики, потерпите. Почти готово.

– Сеня – молодец, стряпуха главная у нас, – похвалил Арсения Батя. – На «котле» помоями кормят, а Егорыч умеет нормальную баланду сварить. Вроде из одной дряни варганят – а у него все равно вкуснее.

Трещали сучья в костре, пламя глодало толстые ветки. Мишка хлебал баланду, а в голову лезли картины из прошлого. Снова мерещились мамкины щи да бабкины пироги с капустой. Парень припомнил, как возили для мены солонину и остатки овощей, рыбу, выуженную в Бирюсе – пузатую плотву и копченых щук. Вот ведь жрали когда-то – от пуза. Не то, что сейчас.

Выхлебав баланду, Арсений плеснул всем по полкружки кипятка.

– А вы, ребята, хвои сыпаните. Полезнее будет. Все витамины, – он запустил заскорузлую ладонь в карман, сыпанул в пригоршню Михею сосновых иголок. Тот молча кивнул, бросил хвою в кипяток. «Чай» оказался терпким, горьковатым. Не успели даже толком дотпить его, как охрана снова погнала валить лес. На разговоры не оставалось времени, да и не хотелось тратить силы на болтовню – все уходило в работу. Солнце перевалило за полдень и покатилося к закату, а они все работали, работали...

К концу дня Мишка валился с ног. Дико хотелось есть и спать, и он не представлял, как идти несколько километров обратно в лагерь.

– И так теперь каждый день будет? – спросил он Батю.

– Да, – хмуро ответил бригадир. – Ничего, тут все привыкают. Тоже приноровитесь. Или сдохнете.

Тяжелый день вытянул все силы из организма. Тело казалось Михею пустым котелком, где не осталось ни капли похлебки. Погода к вечеру испортилась. Ветер усилился. Набежала

орава туч – они будто торопились куда-то, обгоняя друг друга. Запрятав инструменты глубоко под кучи веток, зэки построились и после переклички двинулись в обратный путь. Мглистое небо будто ползло вместе с ними, не отставая. Мишка еле волочил ноги, Ромка шел угрюмый и поникший.

К зоне подошли, когда загустели сумерки. Начался ливень, и Михей чувствовал, как холодные капли стекают за воротник. За оградой тюрьмы их тут же принялись досматривать. Дождь лил, а они стояли и тряслись – полуголые, промокшие. А досмотр все тянулся... В зоне за день ничего не изменилось – все те же измученные люди-тени, длинные очереди за ужином. В толпе Мишка услышал, что должны начаться перебои с едой. На огороды напали дикари-кочевники и, по словам одного из каторжных, «навели там шороху». Хмурое небо накрыло зону, точно крышка – чан с баландой, где варились узники. А потом – знакомый, родной барак. Томительный, тоскливый вечер в полумраке и вони. Злоба на судьбу, тоска и безысходность.

С тех пор так и повелось. Их поднимали каждый день в шесть утра и после торопливого, скудного завтрака гнали в лес. Работа высасывала все силы, и обратно Михей с Ромкой еле волочили ноги. Мишке не хватало короткого сна, и вставал он измученный и разбитый. Но работа в лесу прогоняла дрему, и время летело незаметно. Вечером же хотелось просто упасть на нары и забыться. Судьба придавила их гнетом тюремной жизни, не оставляя надежды. И парень чувствовал, что они превращаются в таких же узников, как остальные, погребенных заживо, ждущих смерти как избавления. У этого дома боли и скорби была одна цель – пережить человека, вытянуть из него все соки до капли, а потом выплюнуть жалкий труп за ограду. Сколько их там покоится, безымянных, на дне глубокого котлована? Мертвецов хоронили, не заморачиваясь – присыпали сверху землей, чтобы не растащили вороны. Провожая грустным взглядом очередную телегу с покойниками, Рафик тяжело вздыхал и начинал философствовать.

– Всех в одну кучу свалили, нелюди. Ничего, помрем – боженька рассортирует, – бормотал он, хлебая вечерний кипяток. – Кто знает, может, на небушке мы этих тварей палками гонять будем, как они нас здесь.

Мишка все чаще бредил во сне. Просыпался среди ночи разбитый, в холодном поту. Вдыхая смрад барака и слушая беспокойный сон человеческого муравейника, он тихо шептал в свернутый бушлат:

– Они думают, что могут все. Хрен им. Я вырвусь отсюда. Вырвусь...

Леха-Эстет в один из вечеров поведал им о тюрьме и общине в Комсомольске-на-Амуре. Михей с Ромкой, измотанные рабочим днем, лежали на нарах и жадно слушали нового знакомого.

– Уж точно не знаю, но по Комсомольску вроде нейтронными били, – повествовал Эстет. – Сначала народ по убежищам сидел. Но фон как-то быстро спал, лет десять назад люди наверх выбрались. Воинских частей под Комсомольском полно было. В общем, вояки резво тут порядок навели. Свою общину хорошо организовали, а всех остальных – в тюрьгу. Настроили барачков, огородили забором. Они же только за счет нас и живут. Лес мы валим, на фермах мы пашем, жраньем мы обеспечиваем. Любая стройка – тоже мы. Мы тутдохнем и гнием, а они живут припеваючи. Нефти в хранилищах осталось – уйма. Они перегонных кубов надедали, бензин-соляру гонят. Раньше же тут нефтеперерабатывающий завод был, нефтепровод с самого Сахалина сюда тянулся.

– Леха, ты мне вот что скажи, – оглядываясь, спросил Михей. – Как получилось, что они в наши края попали?

– Чего не знаю – того не знаю, – пожал плечами Эстет. – Но слухи ходят... Те, кто вагоны разгружал, рассказывали – «хозяева» несколько вагонов оружия и боеприпасов притаранили. Видимо, нашли в ваших краях старый резерв нетронутый. БАМ-то, говорят, почти не постра-

дал после Войны – местность необжитая, по кому там бомбить-то? По БАМу они в ваши края и добрались. Резерв присвоили, да вас по пути прихватили – новые работнички им всегда нужны.

– А ты-то сам как попал сюда? – осведомился парень.

– Да по дурости, – сокрушенно сказал Леха. – Так же, как и вы. Я-то сам местный, с области. А теперь... теперь уже поздно жалеть. Отсюда ходу нет.

– А если...

– Мишань, не трави душу, – стиснул зубы Эстет. – Не решусь я никогда. Боюсь. Похоже, что сгнию и помру здесь.

– Не хочу я тут сдохнуть, Леха, – разозлился тот. – Я себе такой судьбы не хотел. И Ромыч тоже.

– А я тоже не выбирал, за меня все решили, – набычился Эстет.

– А какое они право имеют за меня решать? – прорычал Миша.

– Кто сильнее – тот и выбирает. И к чему опять эти разговоры? Только душу растравим и ночью спать хреново будем.

– Сбегу, – угрюмо процедил парень. – Зубами стену прогрызу, но свалю.

– Как бы зубы не обломать, – грустно усмехнулся Рафик, моющий полы возле парней. – Многие тут грозились стенки грызть, да всех грызунов давно зарыли. Так-то. Ничего, ребята, когда-нибудь случится ЭТО. Боженька долго терпит, да больно бьет.

– Случится, – поморщился Михай. – Только мы уже копыта откинем.

И парень, стискивая зубы в немой злости, замкнулся в себе. Когда он увидел нутро тюремной жизни, то стал понимать животную сущность людей. Такая жизнь стирала границы между ним и остальными, между человеческим и скотским, заставляла забыть сострадание и доброту. Михай замечал, что они и сами становятся другими. Пока не сломленными, но надломленными. И с ужасом осознавал, что когда-нибудь эта жизнь вытравит из него всю спесь, амбиции и вообще все человеческое. И тогда не останется прежнего Мишки – лишь жалкий оборванец, трясущийся из-за черпака горячей баланды. Такая же тень, как и все вокруг.

* * *

В один из дней после ужина их нашел дядя Никита. Михай даже не сразу узнал его. Весь в каком-то рванье, под глазом – свежий шрам. Мужчина вынырнул из толпы заключенных, поковылял к друзьям.

– Дядя Никита! – обрадовался Михай и стиснул его в объятиях. Парень почувствовал, как тот исхудал – старая фуфайка болталась на нем. Выглядел мужчина скверно.

– Как вы? – кашляя, спросил он. Обменялись последними новостями. Из рассказа селянина Михай понял, что тот серьезно заболел. Мужчина говорил с трудом, держась за бок, после каждой фразы его душил утробный кашель.

– Хотел вот с тобой свидеться, – выдохнул дядя Никита. – Рассказать тебе... про батьку.

– Про папку? – встрепенулся парень. Отец у него пропал больше десяти лет назад. Мужики говорили, что погиб на охоте, что разорвал бату медведь. Четырнадцатилетний Мишка тяжело перенес боль утраты, но потеря кормильца заставила его рано повзрослеть и стать сильнее.

– Да. Я давно порывался, да мне все маманька твоя не давала. Батька твой не на охоте погиб. Мы ведь тогда в сторону Братска ходили. Староста поход организовал.

– Какой еще поход? – напрягся Михай, и сердце заколотилось в груди сильнее.

– На разведку, – сказал дядя Никита. – Староста давно хотел узнать, как там, под Братском. Химзащита у нас была – из Тайшета охотники тогда принесли. Подозревали, что Братск тоже бомбили. Ну и пошли. Да только не все вернулись.

– Что там случилось? – востропнулся парень. Перед ним неожиданно открывалась тайна, от которой его долгое время тщательно оберегали.

– Не знаю, что это за пададь была. Оборотень какой-то, да еще морок умел наводить. Жуть, чертовщина. Какой только гадости после Войны не наплодилось. Наши мужики там и погибли. И батя твой тоже под Братском остался, гадина эта его убила. А мы... мы даже за своих не поквитались, еле ноги унесли.

В мозг, точно нож, вонзилась догадка. Не зря ведь мать старалась не говорить о том, как пропал отец. Опасалась, что Михей отправится за батькой, боялась за него? А ведь узнай он правду – сорвался бы, ринулся на поиски. И, может быть, сам сгинул бы там, куда ушел отец. Не хотела мать такой судьбы для сына, вот и молчала.

– Мне все мамка твоя не давала рассказывать. Боялась, что ты побежишь отца искать. А куда бежать-то? Там места гиблые, зверье, радиация. Муж пропал, не хотела Ленка еще и сына потерять. Вот и пришлось тебе врать. А вот сейчас рассказал – и хоть на душе полегчало. Боюсь, недолго мне осталось, а то так и унес бы с собой в могилу.

Договорить им не дали. Рывкнул охранник, ткнул дядю Никиту стволом под ребра. Так и разошлись, не закончив разговор. Михей весь вечер молчал, глядя в дощатый потолок. В голове бродили разные мысли, не давали покоя. Да и что он мог сейчас изменить? Столько времени прошло, да и сам он теперь на волосок от смерти. Парень закрывал глаза, и ему виделась одна и та же картина – ночной лес и отец, истекающий кровью, умирающий. Батя полз по ковру из прелых листьев и хвои, а за ним двигалось нечто... То была его смерть.

В эту ночь Михей так и не смог уснуть.

* * *

На следующий день он встал совершенно разбитый. На улице только занимался немощный рассвет, и охранники с привычной злобой и жестокостью поднимали эков на работы. По дороге в лес Михей еле тащился в хвосте колонны, и Ромка подбадривал товарища, когда тот сбавлял темп. Конвоиры то и дело пинками и криками подгоняли бредущих сзади «отставал». А потом они работали до изнеможения...

Вечером парень валился с ног от усталости. Он все чаще останавливался передохнуть и уже получил несколько предупреждений от охраны. Наконец Батя дал команду закругляться. На землю пали сумерки, и вечерний морозец сковал лужи ледком. Михей покачнулся и едва не упал, вовремя схватившись за дерево. И вдруг замер. Ему показалось, что в сумраке леса между деревьями шевельнулась неясная тень. Будто мелькнула чья-то фигура и растворилась в густеющей тьме. Парень присмотрелся – ничего. Привиделось?

– Мишань, чего там углядел? – Ромка тронул товарища за руку.

– Не знаю даже, – пожал плечами тот. – Кого-то вроде видел вон там, за соснами. Может, показалось?

Ромка тоже пригляделся, но ничего не увидел. Сзади долетел крик вертухая:

– Эй, быдло, хорош ляссы точить. Живо стройся!

Через пять минут лесные бригады уже топали в сторону зоны. Волочившийся в хвосте Михей снова обернулся и глянул на полоску леса. И сердце почему-то заколотилось чаще, а по спине пробежал холодок.

К чему бы это?

* * *

– СТААА-Я-ЯТЬ! – противный надтреснутый голос стегнул по ушам. Глаза охранника рыскали с ненавистью по толпе оборванцев. На лице даже не улыбка – мерзкий оскал, словно

вертухай смотрел на дерьмо. Михай устало глянул на далекие бараки и плац, куда стекались к ужину заключенные. Опять этот обыск. Достало! ДОСТАЛО!

– ПРИГОТОВИТЬСЯ К ДОСМОТРУ!

Зашевелились зэки, перетасовались, словно карты в колоде. Вдоль ограды вытянулась длинная шеренга. Некоторые шатались, будто пьяные – тяжелая работа высосала все силы.

– Опять мурыжить будут, нелюди, – зашушукались в толпе. – Изо дня в день одно и то же. Было бы чего искать!

– Снимай верхнюю одежду!

Оборванцы принялись стягивать бушлаты и затертые фуфайки. «Ишейки» работали быстро, но в то же время – внимательно. Охлопывали и прощупывали складки одежды, заставляли выворачивать карманы, подсвечивали фонарями. Напротив лица Михай повисло рыло вертухая. Караульный смотрел так, что хотелось харкнуть ему в наглую рожу. Парень стиснул зубы, и руки сами поднялись. Обыскав его и Ромку, охранник собрался идти дальше. И вдруг на Михай накатила такая дикая ненависть, что парня затрясло. Усталость смешалась со вчерашними переживаниями, злоба вскипела и хлынула через край.

– Начальник, в жопу еще загляни, там не проверял! – ядовито выплюнул парень в спину досмотрщику.

Все произошло в мгновение ока. Вертухай обернулся и вмазал Ромке прикладом в лоб. Товарищ охнул и повалился на землю. Подоспели еще двое, рывком выдернули его из шеренги и принялись что есть мочи охаживать ногами.

– Это не он! – завопил Михай, но сильный удар тут же повалил его наземь. Цветастые круги поплыли перед глазами.

Парень на короткое время словно выпал из реальности, копошась на земле, пытаясь прийти в себя. Встал на четвереньки, сплевывая кровавую слюну, и увидел, как охранники подхватили сникшего Ромку и поволокли в сторону карцера. Вертухай повернулся к шеренге зэков. Он щерился и тяжело дышал, свирепо глядя на толпу.

– А ну, суки, одежду – снимай! Ползком в барак, пададь!

Зэки, дрожа, принялись стягивать с себя рвань. Кто-то мешкал, и тогда охранник подходил к нерасторопному и ударом ноги валил наземь. Голые и несчастные, скомкав одежду, зэки со стонами опускались на холодную землю.

– Живее, твари! Поползли!

Путешествие до барачных показало Михай вечностью. Ледяная земля впивалась в кожу тысячами острых игл. Ломкий лед на лужах расцарапал ноги до крови. Заключенных трясло от холода, но они упрямо ползли. Охранники охаживали отстающих ногами и подгоняли угрозами. Дрожа и стуча зубами, зэки кое-как доползли до барака и принялись натягивать одежду. Мишка поднялся, трясаясь от холода, и тут же ощутил на себе недобрые взгляды. Антон, парень из соседней бригады, подошел ближе и сплюнул ему под ноги.

– Сука, – процедил он с ненавистью. И вдруг стиснул кулаки и двинулся на Мишу. Тут же между ними вырос Батя.

– Отставить! – рявкнул бригадир, и Антон остановился, скрипя зубами. Видно было, что злоба клокотала в нем, но идти на Вячеслава он не осмеливался.

– В барак иди, – тихо и грозно рыкнул Батя, и парень повиновался. Остальные натягивали одежду, пытались согреться.

– Чтоб ему, падле, в карцере сгнить, – прошипел кто-то справа. Похоже, не все заметили, что вертухаю надерзил не схваченный Ромка, а Михай. А те, кто видел, поглядывали на Мишку исподлобья, недобро.

– Пойдем, – хмуро сказал Вячеслав. Парень набросил на плечи бушлат, посмотрел на бригадира. Тот глядел с укором, но не злобно.

– Херня это все, – бросил он. – Смелый ты, но тут этим ничего не докажешь, а только подохнешь скорее. Завязывай выпендриваться, если жить хочешь.

Михей промолчал. На смену ярости пришли обида и дикое чувство вины. Это он виноват в том, что Ромку бросили в карцер, из-за его амбиций пострадал товарищ. А что он доказал себе и этим нелюдям? Да ничего! В бараке он забрался на нары, ощущая, как ноют изодранные в кровь ноги. Совесть и тревога глодали его, и парень чувствовал, как от обиды дрожат губы. Что там с другом? Он здесь, а Ромка – в холодном подвале, и все по его вине.

Подошел Эстет, тронул Михея за плечо.

– Не вини себя. Они не любят, когда им вызов бросают. Могли бы и убить.

Парень промолчал – говорить не хотелось.

– Батя мне сказал, – Леха мотнул головой в сторону бригадира. – Злобу на тебя затаили ребята.

– И что мне теперь? – вскинулся Михей. – Извиниться и в жопу их поцеловать?

– Да зачем сразу так? – развел руками Эстет. – Просто повнимательнее будь. Как бы «обратка» не прилетела.

– Спасибо, учту, – бросил Мишка. Рядом застонал сосед. Вытянул жилистые руки вдоль тела, глянул мимо парня взглядом, исполненным вселенской тоски.

– Эх, жизнь поганая, – сплюнул мужик на пол, укрываясь драным бушлатом. – Сдохнуть бы, что ли, скорее!

– Да кто мешает-то, – злобно бросил Михей. – Иди да сдохни.

– А шел бы ты, – озлился сосед. – Самый умный да говорливый, что ли?

– Тихо вам! – шикнул Эстет и повернулся к Мише: – Успокойся и отдохни, утро вечера мудренее. Завтра что-нибудь придумаем.

– Слушай, Леха, а как там, в карцере? – тихо спросил парень.

– Жопка полная, – расстроено сказал Эстет. – Туда лучше не попадать. Сейчас еще терпимо, а вот зимой – кранты. Комнатка два на два метра, холодрыга – как на улице. Жрать дают только вечером – холодную баланду. За неделю там копыта можно откинуть.

Михей задышал – тяжело, нервно. Он представил Ромку – избитого, замерзающего. Свет погасили, но картина, нарисованная Эстетом, не давала парню покоя. Рядом возился старый Рафик, долго бубнил и вздыхал в темноте. Наконец и его сморило. А Михей все лежал и слушал беспокойную тишину барака, перемежаемую стонами измученных рабов. День, словно котомка, доверху набитая событиями, уходил в прошлое. Утекали заботы и усталость. И только мысли деть никуда не получалось.

«Прости, братишка, – тихо прошептал парень, глядя в темноту. – Прости меня! Пожалуйста!»

* * *

Мишка проснулся от шороха возле его нар. Повел головой, пытаясь что-то разглядеть в темноте. Кажется, шевельнулась неясная тень во мраке спящего барака.

Михей приподнялся на локтях, но тут же сильнейший удар в скулу повалил его обратно на нары. Парень приложился головой о стену, и в глазах заплескали искры. Кто-то вцепился ему в ногу и дернул так, что Михей полетел на пол. Удар оказался не очень болезненным, но кто-то пнул его в живот, и словно костяная лапа сдавила горло, перекрыв воздух.

– Тащи сюда тварюгу! – скомандовал некто невидимый. В рот парню ткнулась грязная тряпка, и теперь он не смог бы даже позвать на помощь.

– Лучше не рыпайся, голубок, – слышался над ухом знакомый голос. Антон?

Михей пытался сопротивляться, но его подхватили под руки и поволокли в темный угол барака, в подсобку. Парень вдруг отчетливо понял, что сейчас свершится самосуд, и никто ему не поможет. Михей попробовал извернуться, лягнул кого-то. Полилась отборная ругань.

– Ах ты, гад! – кто-то из противников сунул ему кулак под ребра, и парень, только что обретший возможность дышать, снова подавился криком и засипел. И вдруг почувствовал у горла холод металла.

– Готовься, сейчас на ремни тебя порежу! – прошипела темнота голосом Антона. – Это тебе за вчерашнее ползание, утырок!

От очередного удара у Михея поплыли перед глазами круги. Он повалился, но невидимые мучители снова подхватили его, поставили на колени. Парень почувствовал, как по губам потекла кровь.

– Держись! – прошипел невидимый Антон и схватил Михея за волосы. Парень зарычал и сумел-таки выплюнуть кляп. И в этот момент с улицы долетел тревожный звон рельса.

– Что за... – начал было рассерженный Антон, но тут же в ночи загрохотало зачастил автомат. А следом в барак вломился запыхавшийся эк. Вспыхнул свет, лезвием полоснув по глазам.

– ТРЕВОГА! – заорал прибежавший, срываясь на фальцет. Барак зашевелился, с нар стали соскакивать перепуганные и сонные люди. Где-то на дальнем краю зоны вновь захлопали выстрелы, зачастил пулемет.

И в Михея словно плеснули сил. Он вскочил и кинулся к Антону, врезался в него всем телом. Враг выматерился и упал на своего товарища, сшибая того с ног. А парень диким прыжком перескочил через поваленных противников и рванул к выходу.

Глава 3

Прорыв

Барак вмиг ожил, и людская масса взбудораженно зашумела и зашевелилась. Зэки спешно напяливали рванье, испуганные взгляды шарили по лицам товарищей. Со всех сторон посыпались вопросы:

- Что случилось-то?
- Почему звонят?
- Пожар, что ли? А чего тогда стреляют?

– Та-та-та-та-та, – снова застучал в ночи пулемет. Подбадривая его, слаженно залаляли со стороны площади автоматы. Звук колотился в стены, и в ночном воздухе над зоной летало гулкое эхо. В душной утробе барака еще воняло старой, прогнившей жизнью, а снаружи ломилось нечто новое, неизведанное. И словно ночным ветром из стылой темноты в распахнутые двери повеяло свободой.

- Говорят, дикари напали. Их там целая орда!
- Вот так свезло. Из огня да в полымя!
- Мужики, чего делать-то будем?
- Конвойных нету! – заорал кто-то. – Драпать надо отсюда!

Неожиданная новость взбудоражила заключенных. На толпу зэков будто опрокинули ушат ледяной воды, и многие стали протискиваться ко входу.

– Не дадут ведь! Положат всех. Перестреляют, как собак! – сыпалось с разных сторон. Но зрело что-то внутри барака, раздувалось. Словно внешняя вода наперла на плотину и давила, давила...

– Мужики, все равно нам тут подышать! – пролетел над головами яростный крик. – Чего нам терять-то? Валим отсюда!

И прорвало. Люди метнулись к выходу, толкаясь и давя друг друга. Увлекаемый потоком, Михей устремился на улицу. Он ожесточенно греб локтями, стараясь не отставать от других. Леха рванул следом. Кто-то падал, летели отчаянные крики и мат. Смели входную дверь, и людская река хлынула в выстуженную темень. Парень с трудом вывалился из толпы, втянул ноздрями стылый ночной воздух. Орава зэков рассасывалась, и беглецы растворялись в темноте. В царящей катавасии обидчики, видимо, забыли про Михея и бросились спасать собственные шкуры. Только сейчас парень заметил на крыльце Рафика. Старик сидел на прогнившем бревне и улыбался.

– Подышать хоть перед смертью, – сказал дед и вдохнул полной грудью. А в воздухе уже разливался пьянящий запах воли.

– Куда, паскуды, – завопили справа, и с крайней вышки хлестнули длинной очередью. Пули ковырнули землю неподалеку от Михея, кто-то истошно заверещал. Парень крутанул головой, пытаясь отыскать Эстета. Сердце екнуло, нехорошее предчувствие шевельнулось в душе.

– Леха! – заорал Михей. Скользнул луч света, и парень мельком увидел поверженного товарища. Друг валялся в грязи, закрыв голову руками, а бегущие заключенные то и дело наступали на него. Яростно завопив, Миша врубился в толпу, расталкивая зэков локтями, выволок из людской гущи Эстета.

- Я уж думал, тебе кранты, – выпалил, задыхаясь. Друг в ответ нервно улыбнулся.
- Сам думал – затопчут. Кабаны, блин. Спасибо, Мишань, выручил.

– Рвем когти, потом триндеть будем! – крикнул тот. Некогда было болтать – судьба дала шанс на спасение, но счет шел на мгновения.

– ДИКАРИ! – завопил кто-то. С ближней вышки дали залп сразу несколько прожекторов, метя в дальний угол зоны. И Михей наконец увидел – там в заборе образовалась брешь, куда затекал поток лохматых существ.

Парень вспомнил рассказы Эстета про дикарей, шастающих вокруг Комсомольска. По словам сведущих эков, их ударные отряды налетали внезапно, лихо устраивали погром и грабеж и так же резво растворялись в окрестных лесах. Местные «господа» с переменным успехом давали отпор врагу. До сегодняшнего дня.

И вот варвары решились идти на штурм.

– Бежим! – рявкнул Михей, увлекая опешившего товарища за собой. Из темноты выплыл соседний барак, и беглецы рванули к нему. Луч света хлестнул по лицу, ослепляя. Мишка, будто повинувшись неведомой команде, рухнул на землю, дернув за собой Леху. Смертоносный рой пуль прошел прямо над головой, не зацепил. Не теряя ни секунды, беглецы бросились вперед, нырнули за угол барака, и тут же в торец бревна ударила новая очередь. Брызнули щепки, и парни прижались друг к другу.

– Живой? – крикнул Михей.

– Вроде, – бросил товарищ, трясая головой. – Не знаю, надолго ли.

– Как повезет. Куда нам теперь?

– Нашел проводника, – буркнул Леха. – Кругом ограда с колючкой. Подкапываться, что ли, будем?

– Не ссы, прорвемся! – ободрил парень и осторожно выглянул из-за угла. Неподалеку рухнул прошитый шальной пулей заключенный. Под прикрытием темноты беглецы потрусили дальше. Где-то слева забрехал пулемет, но звук выстрелов вдруг заглушил рев сотен глоток. Такой громкий, что Михей невольно вздрогнул.

– Сколько же их там? – спросил запыхавшийся Эстет. Голос его дрожал.

Миша почувствовал, как в душу закрадываются сомнения. Не зря ли они затеяли опасную игру, повинувшись мимолетному желанию обрести свободу? Но иначе пришлось бы догнывать безвольным рабом-полутрупом и молиться о скорой смерти. Или ждать, пока сменится власть, и новые хозяева – дикари – поджарят всех заключенных на большом костре и сжуют, празднуя победу. Уж лучше подохнуть сейчас, от шальной пули или стрелы варвара, чем вот так.

Впереди фонарь щупал местность скользким лучом. «Прорваться, лишь бы прорваться!» – вертелось в голове у Михея. Парень махнул рукой Лехе, и друзья потрусили вдоль стены барака. Рывок, короткая перебежка – и снова на землю. А где-то позади разгорался бой. Долбили автоматы, отчаянно сыпались команды, яростно орали дикари. Эхо ревели и металось над разбуженной зоной. Во время новой перебежки слева метнулась неясная тень, и Эстет со всего маха влетел в кого-то массивного. Незнакомец зарычал и отшвырнул Леху. Товарищ охнул и тряпичной куклой полетел на землю.

– Ах ты, тварь! – прошипел Михей и бросил руку вперед, метя в темный силуэт. Воображение парня с ходу нарисовало фигуру дикаря, и он понимал, что в этой схватке победит тот, кто расторопнее. Мишка опередил врага, но удар пришелся вскользь и только растравил противника.

– Иии, дрянька! – заревела темнота до боли знакомым голосом. Нечеткий силуэт шевельнулся – и сильнейший удар в грудь вышиб из парня дух и швырнул на землю.

– Отбой, свои! – закричал поверженный Эстет, пытаясь остановить дерущихся. – Батя, это мы!

Михей лежал на земле, чувствуя, как боль разливается в области груди. Перед глазами плясали разноцветные искры. Сколько раз он уже получил за сегодняшние вечер и ночь? Парень хорошо помнил Батины кулаки – здоровенные и тяжелые, будто кувалды. И удар у бригадира – душу враз выбить может. Ну, вот и он отведал.

– Слава, стой, это мы, Леха с Мишкой, – затараторил Эстет, пытаясь подняться. – Там с тобой кто?

– Конь в пальто, – пробурчал бригадир. – В следующий раз зашибу, если под руку попадетесь. Я вам не пэ-эн-вэ, чтобы в темноте видеть. Портной со мной, вместе удирали. А ну, подъем, чего кости раскидали! Рвать надо.

Огромная ручища протянулась к Михею, и Батя рывком поднял его с земли. Парень разглядел рядом в темноте фигуру Ваньки-Портного – высоченного и худощавого. Позади, за черными тушами барачников, снова затараторили автоматы, над крышей протянулась красная нить от трассера, уходящего в ночное небо.

– Мотаем, пока нас тут не ухайдакали! – крикнул Вячеслав, не оставляя времени на раздумья. – Потом балаболить будем.

Долго уговаривать никого не пришлось. Беглецы завернули ближе к ограде, но тут тяжело ухнуло неподалеку. В отблесках луча прожектора Михей увидел, как одна из бетонных плит ограды повалилась и в зону из темноты устремились толпы дикарей.

– Назад, – прошипел Батя. Беглецы, пригибаясь, метнулись обратно к баракам. Но метров через пятьдесят Мишка вдруг поскользнулся и скатился на заднице в какую-то яму. В нос шарахнуло тяжелым запахом тухлятины, под ногами зачавкало.

– Лезьте вниз! – скомандовал Вячеслав сверху, подталкивая Портного и Леху. Чертыхаясь, парни сползли в яму, бригадир замыкал. На дне мерзкий запах только усилился, и у Михея к горлу подступил ком.

– Тишину словите!

И пришлось словить. Потому что смерть бродила в двух шагах, а умирать в помойной яме никому не хотелось. Поток дикарей тек мимо, и парень слышал, как прищельцы хрипло бурвят на своем языке. Все мысли словно испарились, и только одна долбилась в голове – лишь бы прошли мимо и не заметили.

По зоне рыскали лучи света. Клинки прожекторов скрещивались, словно несколько фехтовальщиков сошлось в смертельной битве на одном ринге. Яма оказалась неглубокой, и Михей осторожно поднял голову над земляным бруствером. Неожиданно луч прожектора осветил пространство перед бараками, и парень увидел, что толпа варваров облепила основание вышки. С соседнего поста снова огрызнулся очередью пулеметчик, но пули не нашли свою цель. Дикари сосредоточенно волокли какой-то мешок под башню. Все происходило так быстро, что Михей еле успевал следить за событиями. Волосатые бросили тук под деревянную «ногу», и тут же вспыхнуло пламя. Автоматчик сверху пустил веером очередь, расчесав, словно костяным гребнем, толпу нападающих. Но он уже не мог помешать тому, что происходило прямо у него под носом.

– Сейчас жажнет, – сказал Батя, поморщившись.

Ахнуло так, что дрогнула земля, и опора вышки подломилась, охваченная пламенем. Охромев на одну ногу, башня стала медленно заваливаться. Автоматчик в ужасе уцепился за ограждение, но не удержался и полетел вниз. Фонарь на вышке рубанул в последний раз ночную темень и погас, расколовшись о землю. Радостный рев сотен глоток взмыл в небо.

Пулеметчик был еще жив. С переломанными ногами он пытался ползти, но его миглом нагнали и успокоили ударом пудовой дубины. Затем орда дикарей бросилась к другой вышке.

– Сейчас и второго снимут, – шепнул Эстет. – Чем это они?

– Порохом, похоже, – бросил Вячеслав. – Хитры, черти.

– Вот тебе и дикари, – покачал головой Леха. – Волосатые, да с мозгами.

И тут они снова услышали радостный рев. Михей поднял голову над краем ямы, осматривая поле боя. Метрах в ста от них полыхала вышка, охваченная языками пламени. А из темноты дикари выволокли на свет группу оборванных зэков-беглецов. Парень видел, как толпа

сомкнула кольцо вокруг несчастных. Над площадью пронесся тоскливый вой, перерастающий в истошный визг. Михай отвернулся, чтобы не смотреть на сцену расправы.

– Из огня да в полымя, – покачал головой Эстет. – Драпать нужно. А то и нас сейчас уделают.

Мишка глянул в ту сторону, где дикари прорвались через ограждение. Вот он, выход. Можно вырваться из треклятой зоны, а там уж они сумеют убежать, скрыться в ночи – поди их потом разыщи. Темный провал манил, притягивал.

– Уходим! – бросил Батя. Под ногами противно хлюпало, разило гниющими очистками и еще какой-то дрянью. Выбравшись из ямы, беглецы метнулись подальше от барака, в котором вовсю шуровали дикари. Вдруг Михай запнулся и упал, ссадив колено. Парень почувствовал, как что-то теплое потекло по ноге. Пока он валялся на земле, из густого сумрака вынырнула тень с автоматом наперевес. Секунда – и калаш взметнулся в боевую позицию.

«Вот и все», – мелькнула мысль, и Михай вцепился в мерзлую траву, пытаясь в последний миг перекатиться.

Бригадир опередил стрелка на долю секунды. Короткий размах – и кулак влетел точно в нос караульному. Раздался хруст, и обмякшее тело рухнуло на землю. Батя вмиг завладел трофейным автоматом и заметно приободрился. Запасной рожок сунул за пояс. Следующий «ночной гость» – косматый дикарь – словил пулю в живот и повалился рядом с первым телом. Кто-то неподалеку огрызнулся очередью, и Михай услышал крик Портного.

– Как ты? – окликнул он.

– Цепануло слегка, – поморщился Ванька. – Переживу, не смертельно.

– Ничего, выберемся – потом себя подштопаешь, – ухмыльнулся Михай, поспевая за Вячеславом. Под покровом сумерек беглецам снова удалось улизнуть прямо из-под носа у смерти. Тут и там рыскали зверолюди, и регулярно приходилось падать на землю или пережидать. Неподалеку грохнуло, и парня обдало теплым воздухом. Где-то рядом просвистел пущенный из пращи камень, в толстенное бревно барака неожиданно впились стрела. Батя, заметив шевеление справа, тут же развернулся и послал в темноту короткую очередь. Михай понял, что в этой катавасии уже не поймешь, кто друг, а кто враг. Хочешь спастись – убивай, а смерть потом сама рассортирует.

На крайней вышке без устали строчил пулемет. И вдруг неожиданная мысль, точно обухом топора, оглушила Михея. Он замер как вкопанный.

– СТОЙ! – гаркнул парень бригадиру. Тот тоже остановился.

– Чего тормоза врубил? Жить надоело?

– Где карцер? – задыхаясь, выпалил Михай. Батя глянул на него как на полоумного. Потом, видимо, понял.

– Ты его не вытащишь! – нахмурился он.

– ГДЕ КАРЦЕР? – гаркнул Михай прямо в лицо Вячеславу. Тот дернул головой и толкнул упряма, указывая в темноту.

– Там! – в голосе мужчины парень различил недовольство.

И Михай рванул вперед, куда указал бригадир. Сейчас ему было все равно – пойдет ли кто за ним или нет. Там остался Ромка, и парень не мог бросить друга. Где-то шарил луч прожектора, периодически выхватывая из темноты мельтешащие тени. Садил с вышки пулемет, то и дело раздавались предсмертные крики подстреленных беглецов.

– Положат нас всех сейчас, – посетовал запыхавшийся Эстет. Будто подтверждая его слова, взыкнула над ухом у Михея пуля, звякнуло пробитое кровельное железо. Парень запнулся о чье-то бездыханное тело и рухнул в лужу, оцарапав ладони о ледышки. Его рывком подняли на ноги. Батя махнул рукой в сторону приземистого строения возле ограды.

– Карцер. Гляди в оба, там охрана может быть. Давай вместе.

Впечатались в холодную землю, поползли друг за другом. Караульных не оказалось. Михай ужом, по-пластунски подполз к ржавой решетке, вцепился в ледяные прутья. Из глупины черного карцера в лицо парню дохнуло затхлостью и холодом.

– Ромка!

Темнота в сырой яме шевельнулась. Михай увидел, как еле различимая тень приникла к решетке.

– Мишка! Ты откуда здесь? – парень услышал радость в голосе друга.

– Сбежали, Ромыч, – торопливо бросил Михай. – Сейчас тебя отсюда вытащим. Как ты?

– Хреново, – пожаловался товарищ. – Холодища, аж зубы сводит. Чего там случилось?

– Дикари напали. Тут такой хаос, вот мы и драпанули. Погодь, сейчас я тебя вытащу.

Михай вцепился в ржавые прутья, дернул изо всех сил. Решетка устояла. С таким же успехом он мог попытаться выдернуть камень из стены карцера. Парень зарычал и принялся остервенело раскачивать прутья, силясь их расшатать. Тщетно.

– Ромыч, потерпи, – буркнул Михай. – Сейчас чего-нибудь придумаем.

Подползли остальные. Вячеслав глянул на безуспешные попытки Михея, покачал головой.

– Без толку. Давай попробуем с дверью похимичить.

– Братишка, мы скоро, – обнадежил друга парень и, оставив Портного и Леху возле зарешеченного окошка, бросился за угол. Батя рванул следом. Подождали немного, пока глаза привыкнут к темноте. Вроде бы никого. Через несколько секунд они стояли возле массивной двери. На мощных петлях висел тяжелый кубик замка.

– Вот зараза, – рассерженно бросил Вячеслав. – К такому и не подлезешь. Фомку бы.

Михай с досады пнул замок. Бригадир отодвинул парня, примерился прикладом. Тяжелый удар обрушился на петли, за ним – другой. После нескольких попыток Батя сдался и опустил автомат.

– Не, – покачал он головой. – Бесполезно.

Михай от злости ударил кулаком в дверь так, что хрустнул хрящ. В суставе заныло, но парень даже не почувствовал боли.

– Все равно я его отсюда вытащу! – прошипел он, взглядом выискивая хоть что-нибудь, чем можно было попытаться взломать замок.

– Айда к окну, – рыкнул бригадир. – Там еще попробуем. Тут без вариантов.

У окошка Эстет с Портным по очереди пытались раскачать толстенные прутья решетки. Леха аж взмок от натуги и отчаянно пыхтел.

– Никак, – пожаловался он. – Чего там с дверью? Не получилось?

Михай только нервно качнул головой и снова упал на холодную землю возле окошка.

– Ромыч, потерпи, – выдохнул парень. – Сейчас-сейчас. Обязательно вытащим.

Где-то рядом снова застучал автомат, и в небо взмыл ор десятка глоток. Краем глаза Михай заметил, как шарахнулась неясная тень, и по стене чиркнула стрела. Вторая впилась в насыпь рядом с карцером. Батя уцепил Эстета и Портного за шкирки, рывком бросил наземь. Сам рухнул следом.

– Лежите и не рыпайтесь!

Снова забубнил пулемет. Смерть бродила где-то рядом, подбираясь все ближе. Мозг Михея отчаянно работал.

– Мишаня, уходи! – сдавленно проговорил Ромка. В его голосе парень услышал обреченность.

– Ты чего? – раздраженно бросил парень. – Подожди, братишка, сейчас.

Он приник к самой решетке, пытаясь разглядеть лицо товарища. Но густая темнота карцера словно пожрала его друга, стерла очертания. И Миша вдруг отчетливо понял, что она не опустит Ромку.

– Уходите, – настойчиво повторил тот. – Мне отсюда не вылезти. И меня не спасете, и сами поляжете.

– Хорош фигню нести! – разозлился парень. – Я тебя тут не брошу.

Крики приближались. Кажется, в их сторону валила толпа дикарей. Чья-то тяжелая ладонь легла на плечо Михея – бригадир пристально глядел на него. Парень почувствовал, как от злости и отчаяния на глаза наворачиваются слезы. Пришло время принять решение – уходить или остаться здесь и погибнуть вместе с товарищем. Честно и бессмысленно умереть или бросить друга, но самим спастись.

Жестокий выбор.

Батя вцепился в плечо Михея.

– Уходим! – выдавил бригадир. – Иначе все тут останемся.

Миша привалился к решетке, просунул руку сквозь прутья. Пальцы нащупали холодную ладонь.

– Ромыч...

– Мишань, уходи. Пожалуйста, – тихо попросил друг.

– Прости, братишка, – парню хотелось плакать и грызть стену зубами. Он в последний раз стиснул ладонь товарища.

– Иди! – повелительно сказал Ромка и отпустил его руку. Короткое слово ударило, точно обухом топора, подтолкнуло. И Михей послушался.

Дикари крутились неподалеку. Беглецы рванули за угол карцера, а оттуда – вперед, к ограде, в спасительную темноту. Вскоре уперлись в бетонные плиты забора и побежали вдоль него в надежде отыскать хоть какую-нибудь брешь. Звуки боя остались позади. Наконец, метров через двести, Батя притормозил, указывая наверх. Здесь «колючка» над забором провисала, и был шанс перебраться на ту сторону. Похоже было, что Вячеслав намеренно шел к этому месту.

– Подсади, – рыкнул Батя. Парни приподняли тяжеленного бригадира. Михей успел заметить странное приспособление, которое тот выудил из потайного кармана на груди.

– Лешка, на шухере стой, – бросил Батя Эстету и принялся за «колючку». Через минуту перекушенные хвосты проволоки обвисли. За это время с Михея сошло сто потов – бригадир оказался невероятно тяжелым. Наконец Вячеслава опустили на землю.

– Первый, пошел! – скомандовал он, подсаживая Портного. Ванька подтянулся и через несколько секунд спрыгнул за ограду.

– Теперь я, – сказал Батя. – Один ты меня не поднимешь.

Кряхтя посадили бригадира. Когда его туша исчезла за оградой, Мишка помог взобраться Лехе.

– Руку давай! – сказал Эстет, балансируя наверху. В этот момент в бетонные плиты ударил луч прожектора, осветив раскоряченного Леху. Нельзя было терять ни секунды.

– Миха, быстрее! – закричал Эстет. Парень вцепился в протянутую руку товарища и, упираясь ногами в выщерблины стены, вскарабкался на ограду.

– Прыгаем! – заорал Леха, и они полетели вниз. И вовремя. По плите забарабанили пули, сверху брызнула бетонная крошка, осыпая беглецов.

– Бежим! – крикнул Батя, увлекая парней за собой. И они рванули в неизвестность, прочь от ненавистой тюрьмы. Неслись как безумные, не смея оглянуться. Бешено долбилось в груди Михея сердце, холодил лицо утренний воздух, проносились мимо темные стволы деревьев и заросли кустов. Наконец Эстет не выдержал. Он первый рухнул на землю и застонал.

– Не могу больше, – хрипя выдавил он. – Сейчас помру.

Остальные тоже опустили на траву, переводя дух. Михей задрал голову, посмотрел вверх. Только сейчас он заметил, что ночь пошла на убыль. В темном небе потускнели звезды. Близился рассвет.

Они сидели так несколько минут, жадно глотая воздух. Наконец, когда немного отдышались, Вячеслав велел «поднимать кости» и «дрыгать отсюда». Беглецы осторожно выбрались на дорогу. Впереди громоздились бесформенные кучи бетонных обломков. Темень редела, и в сизых утренних сумерках уже просматривались очертания зданий. Сзади трещали автоматные очереди, где-то орали дикари – они, похоже, побеждали.

– Кранты хозяевам, – сказал Эстет. – Эх, там такое месиво сейчас. Есть все-таки справедливость.

– Да чтоб их всех там порезали, тварей, – сплюнул бригадир, и Михай невольно поежился. Казалось, что невидимый поводок все еще держал его на привязи. Там остался Ромка, и Мишка не мог не думать о товарище. Парень вдруг замер посреди дороги. Эстет обернулся, глянул на него.

– Ты чего? – недоуменно спросил Леха. – Уходить надо. Батя же сказал, что знает, как к причалу пробраться.

Михей не шевелился. В душе его снова началась внутренняя борьба.

– Подожди! – ответил он, отпихивая вцепившегося в него Эстета.

– Да чего ты титьки мнешь? – рявкнул Батя. – Мишаня, а ну – бегом марш! Или пинка для скорости дать? Не спасешь ты его, понял.

Наконец разум возобладал, и беглецы снова дали деру. Через полминуты выбрались на асфальтированную дорогу, и Вячеслав повертел головой, прикидывая. Потом махнул рукой на восход.

– Туда! – крикнул он и, свернув на обочину, первым побежал вперед. Остальные ринулись за ним. Дорога разматывалась бесконечной лентой, уводя их все дальше от тюрьмы. За спиной, отдаляясь, стихали звуки боя. Небо над головами чуточку посветлело, и Михай видел, как по нему призраками скользили облака. Бригадир заметил тропку, идущую параллельно дороге, и свернул на нее. Теперь беглецы пробирались зарослями.

Мишка крался вслед за Батей, и ему до сих пор не верилось, что они вырвались из тюрьмы. Судьба дала им шанс, но расслабляться не следовало. Беглецы то переходили на бег трусцой, то снова останавливались и внимательно слушали, что творится вокруг. Мелькнули справа мрачные корпуса неизвестного завода, остался позади длинный огрызок трубы, воткнутый в серость утреннего неба. Миновали они и две громадные бочки градирен, каждая высотой с добротную многоэтажку. Утро было тревожным. Редеющая темнота, казалось, таила опасность. Сзади то и дело доносились отдаленные выстрелы и взрывы – осажденная крепость тюрьмы все еще не желала сдаваться.

Через полкилометра Вячеслав услышал неясный звук впереди и махнул рукой, приказывая свернуть с дороги. Сам бригадир замер и принялся внимательно слушать. Михай встал рядом, стараясь не дышать. Грохот нарастал, будто впереди по дороге катилось что-то массивное.

– Ну-ка, уходим, – шепнул Батя и первым свернул с обочины в кусты. Остальные последовали за ним. Полезли огородами, продираясь через колючие заросли. Отойдя от шоссе метров на пятьдесят, притаились.

– Идут, – сказал Вячеслав, вглядываясь в темноту.

Мимо по дороге тащилось что-то грузное. Скрипели деревянные колеса, лились разговоры дикарей на тарабарском языке. Только когда процессия растворилась в сумерках и звуки стихли, беглецы двинулись дальше.

– Внимательнее смотрите, – предупредил Батя. – Кто знает, сколько их тут по городу шляется.

– Хочешь пробраться к причалу? – тихо спросил Михай бригадира.

– Да, – кивнул тот. – У них там несколько катеров. Мы пару раз гоняли на «рабочку» туда – грузá ворочать. Только они их пасут – будь здоров. Посмотрим, что выйдет. Сначала добраться надо.

Светало – за Амуром лениво занималась заря. За частным сектором дорога стала прямой и теперь вела через пустыри и промзоны. Видимо, они пробирались по окраинам города. Распительность здесь оказалась беднее – чахлые деревья да немощные кустарники торчали тут и там, добавляя унылости пейзажу. Вскоре Батя велел сделать привал. Устроились в углу бетонного забора, который теперь прикрывал их с двух сторон.

– Парни, бдим, – приказал бригадир.

И они сидели и слушали. Эстет волновался больше всего – Михей видел, как Леха нервно крутил головой, всматриваясь в редеющие сумерки. Батя был хмур и сосредоточен.

Десятиминутная передышка – и снова вперед. Вскоре беглецы пересекли железнодорожные пути и вошли в город. Дорога раздобрела и обзавелась «соседкой». По бокам шоссе уныло теснились темные туши домов. Откуда-то спереди ветер принес звук выстрела. Друзья старались не терять бдительности. Михей вдруг понял, как ему хочется жить, и все его чувства словно обострились до предела.

Опасность подкралась внезапно, когда ее совсем не ждали. Свистнула стрела, и зашипел от боли Эстет. Бригадир сориентировался вмиг – толкнул Михея под прикрытие ржавой «Газели», замершей посреди перекрестка. Остальные бросились следом. Леха тер оцарапанную стрелой щеку, руки его дрожали от нервного напряжения.

– Е-еще б-бы немного – и в-все, – мотал он головой, прижимаясь к кузову.

– Откуда? – быстро спросил Михей Вячеслава. Тот махнул рукой в сторону перекрестка.

– Двоих видел, – сказал он, хмурясь. – Может, и больше. Толком не разглядел.

В кузов «Газели» ударил тяжелый камень, а потом до слуха беглецов донесся злобный рык. Положение сложилось хуже некуда.

– Сдаваться предлагают? – предположил Михей.

– Хрен им на воротник, – сплюнул Батя. – Живым не дамся. Только вперед ногами вынесут, черти немытые.

Парень пригнулся к земле, глядя в просвет между днищем автомобиля и асфальтом.

– Бегут! – крикнул он и почувствовал, как озноб пробежал по телу. Бригадир выглянул из-за кузова, прицелился. Грохнул выстрел, и один дикарь рухнул замертво на асфальт. Но его товарищ был уже возле машины. Взмах тяжелой дубины – и автомат вылетел из рук Бати. Вторым ударом дикарь метил снести бригадиру голову, но тот чудом увернулся и сам бросился в атаку. Два крепких тела сцепились и рухнули на асфальт.

А тем временем подбежал третий. Косматый мужик ощерился, замахнулся дубиной – и в лицо Михея пахнуло вонью немытого тела. Парень выбросил руку, удар пришелся в плечо противника. Тот зарычал от боли, и его дубина упала на асфальт. Но враг оказался расторопным. Через секунду тяжелый удар швырнул Михея наземь, и дикарь тут же навалился на парня, сдавил ему горло. Тот почувствовал крепкие пальцы на шее, замычал и принялся дергаться, пытаясь скинуть с себя нападавшего. Но не тут-то было. В глазах потемнело, и парень захрипел. И вдруг дикарь всей своей массой обрушился на Михея и затих.

Парень попытался подняться, потирая горло, но его мотнуло, и он чуть не упал снова. Рядом стоял Эстет, сжимая половину кирпича. Руки товарища дрожали.

– Спасибо, Леха, – выдохнул Михей. – Еще чуть-чуть – и эта гадина меня придушила бы.

Тот только нервно что-то пробурчал в ответ. Кирпич упал на асфальт, и Леха тяжело задышал. Было видно, что неожиданная победа далась парню с великим трудом. Батя пнул бездыханное тело второго дикаря и отряхнул руки – Мишка даже не успел заметить, когда бригадир успел управиться с ним.

– Да уж, – сказал Вячеслав, выдыхая. – Дали прикурить.

Нужно было скорее уходить – звуки выстрелов могли привлечь других дикарей. Михей осмотрел поверженных врагов и заметил, что тот, которого сразил из автомата Батя, отличался от собратьев. Он был вооружен луком и длинным ножом, да и вообще, был одет куда лучше своих товарищей. Те же выглядели, как натуральные дикари: грязные и заросшие, в звериных шкурах, с корявыми дубинами. Скорее всего, у них тоже была своя иерархия.

– Недалеко уже, мужики, – подбадривал бригадир парней. Солнце теперь прицельно лупило в лицо. У железнодорожных путей Вячеслав велел свернуть направо. Михей почувствовал, что у него открылось второе дыхание. Воздух свободы буквально оживил его.

Поворот. Прямая. Излом дороги. Комсомольск-на-Амуре показался парню серым и унылым. Наверное, тут были красивые улицы и дома, которые пощадили годы и стихии, но Батя вел их какими-то задворками, где преобладали ошкуренные временем здания и покосившиеся столбы. Позади снова застрочил автомат, но бригадир даже не повернул головы. Все его внимание было приковано к тому, что происходит впереди. Улица становилась уже. На дороге валялся автомобильный хлам, и беглецам снова пришлось свернуть на тротуар. Вскоре выбрались на широкий проспект. Вячеслав замер и прислушался. Сзади донесся невнятный шум, и Михей насторожился.

– Что это? – тихо спросил Эстет.

Батя только пожал плечами. Но звук больше не повторялся, и друзья бегом пересекли широкую ленту дороги. Мелькнул за ржавой оградой маленький парк, миновали стадион со звучным названием «Авангард». Изображение футболиста на стене за долгие годы выцвело и поблекло. У Михея в душе поселилась неясная тревога – он все чаще вертел головой, пытаясь не пропустить подозрительные звуки. Парню стала мерещиться слежка – казалось, темнота из окон ближайших домов смотрит недобро и враждебно. Но дикари больше не давали о себе знать. Слева мелькнул широкий проспект, но бригадир снова повел беглецов переулками и подворотнями. Наконец около угла пятиэтажки Вячеслав замер и жестом велел остановиться.

– Слушайте меня, – тихо сказал Батя. – Там, впереди – площадь. Будем как на ладони, так что поживее копытами шевелите. Минуту на перекур – а потом чешем к причалу. От меня не отставать. Вон там, – Вячеслав показал вперед, – у них катера стоят. Нам туда.

Минута показалась долгой. Наконец бригадир махнул рукой и скомандовал:

– За мной!

И они рванули за Батей, стараясь не отставать. Тот выбрал путь по аллее, под прикрытием деревьев. Метров через двести Вячеслав резво свернул влево и повел друзей напрямик к набережной. Михей уже различал впереди холмистый берег Амура, до реки было рукой подать. Не доходя до берега, свернули в разросшийся сосняк и, крадучись, двинулись вперед. Здесь бригадир стал крайне осторожен – велел всем идти как можно тише, да и сам скользил между деревьями практически беззвучно. Через пятнадцать минут такой партизанской ходьбы они добрались до края лесопарка и засели в кустах.

Перед ними раскинулся величественный Амур. Он тек, как и двадцать лет назад, – неторопливо и грациозно. Это беглецам следовало торопиться, а река никуда не спешила. А над головами распласталась высь, сияющая синевой и свободой. Из-за горизонта тянулся караван белоснежных облаков, и там, где небо касалось земли, горбились горы. Михей раньше никогда не видел таких полноводных рек, и Амур казался ему невероятно красивым. Взгляд парня притягивали и длинный остров посреди широкой реки, и гористый противоположный берег, и далекий мост, по которому непременно тянулась дорога, уходящая подальше от проклятых мест. К лучшей жизни. К свободе.

Но на их пути оставалось еще одно препятствие.

У песчаного мыса навеки замер притопленный ржавый корабль. А между ним и берегом в небольшом заливчике качался на волнах белый катер. Тут же неподалеку, за кустами, виднелась домушка караульных, а у стальной изгороди маячили две тени.

Вот и вся охрана.

– Ждите тут, сейчас я этих голубков... – шепнул Батя и по-пластунски пополз в сторону берега. Шевельнулась сухая трава, качнулись кусты – и все стихло. Парни присели, ожидая, чем же закончится авантюра бригадира.

Неожиданно тявкнул одиночный выстрел, и над заливом вновь повисла тишина. Потекли минуты – одна, вторая. Ничего не происходило. Михай чувствовал, как тревожно долбит в грудь сердце. Знать бы, что там случилось.

– Вот блин, – прошептал Эстет. – Неужто Славу положили?

– Ни за что не поверю, – тихо отозвался Портной. – Батю просто так не возьмешь.

Качнулась трава, и из кустов вылез бригадир. Он вытер пот со лба и махнул рукой.

– Чисто. Правда, по-тихому не получилось. Давайте живее, пока остальные не набежали.

И они бросились вперед сквозь кусты. Вот уже причал, и Михай вблизи увидел их спасение – катер, стоящий на причале у берега. В тело словно плеснули сил, и парень почувствовал, что еще немного – и проклятый город-тюрьма останется позади.

В воздухе хрястнуло, и по кустам чесанула очередь, срезая ветки. Михай пригнулся и краем глаза заметил наверху фигуру с автоматом. Охранник что-то крикнул и вновь изготавился к стрельбе.

– Бегом на катер! – прогремел Вячеслав. Михай видел, как стрелок вскинул автомат, но выпустить очередь не успел – упал, прошитый стрелой. И тут же раздался дружный крик дикарей. Со стороны здания речного вокзала в их сторону валила целая орава.

– Опередили! – заорал Батя. – Все на борт!

И они рванули так, как Михай не бегал никогда в жизни. До катера оставалось всего ничего, когда рядом свистнула первая стрела. Вот и спасительное судно – как ни в чем не бывало покачивается на волнах. Парень оглянулся – на набережной мелькнула первая фигура, вторая. Бригадир одним махом влетел на борт катера, метнулся к движку. Рывок, другой. Но мотор не хотел покоряться с первого раза, упрямился. Следом за Вячеславом на корму прыгнули остальные.

– Лезьте в каюту! – крикнул бригадир, продолжая дергать стартер. Михай с Портным бросились в тесный закуток – там их хотя бы не могли достать стрелы врага. Мотор хрипел, но по-прежнему не желал заводиться.

– Живее, пожалуйста! – забормотал Эстет.

– Да не пищи ты, – огрызнулся Батя. Чиркнула о борт еще одна стрела, завертелась в воздухе и плюхнулась в воду. Бригадир сгреб Эстета и толкнул что есть мочи в кубрик. Враг приближался, первая группа дикарей уже выбежала на берег.

– Ну, давай же, подлюга! – заорал Батя, от всей души пнул мотор и что есть мочи дернул стартер. Движок рывкнул и затарахтел.

– Завелся, родимый, – радостно затрясся Эстет. А бригадир уже орудовал у руля. Катер дрогнул и попер прочь от берега.

– Пригнитесь! – крикнул Батя. И вовремя. Какой-то дикарь отправил еще одну стрелу вслед за судном. Но расстояние между беглецами и врагами быстро увеличивалось.

– Ну что, съели?! – бросил Вячеслав, улыбаясь и глядя на мельтешащих на берегу дикарей. – Руки короткие.

Катер уносил их все дальше от причала. Михай, часто дыша, смотрел, как снуют на берегу дикари и танцуют на воде солнечные блики. Мир радовался новому дню. И Мишка тоже ликова и не мог поверить, что они сумели спастись. Но какой ценой?

Он будто сквозь пелену увидел смутные образы – затекшие гноем глаза, безумные взгляды. Полулюди-полутени и живые мертвецы глядели на него с укором. За то, что он выиграл свободу, вырвал у судьбы шанс и смог им воспользоваться. И среди всех – такой обречен-

ный взгляд друга. Парень смотрел на течение реки, а внутри него все словно бы противилось и кричало.

Михей зарычал и принялся бить кулаками в борт катера, сдирая кожу до крови. Постепенно ярость уступила место отчаянию, и он рухнул на колени, сдавив в бессилии виски.

Глава 4

Чужая земля

– Мишка, ты чего? – суетился Эстет, дергая парня за плечо. – Удрали же! Мишань, слышишь? Свобода!

По лицу наотмашь хлестнул свежий ветер с реки, отрезвил. Михей отнял руки от головы и уперся взглядом в смотрящего на него Леху, увидел Ваньку и бригадира у руля. Вот они, все здесь, свободные, только что улизнули прямо из-под носа у смерти. Постепенно парень снова начал ясно осознавать, что происходит вокруг.

Катер, набирая скорость, несся к середине Амура. Друзья видели, как у кромки воды сновали дикари, но теперь они не могли достать беглецов. Позади – проклятая тюрьма с непосильной каторгой, с болью и лишениями. Уходил в прошлое чужой город Комсомольск, где вовсю теперь хозяйничали дикие. Остались во вчерашнем дне калека Рафик и Свинорыл, жалкие оборванцы-эки и свирепые варвары, Мишкины враги и недавние знакомые.

И Ромка.

У Михея еще стоял перед глазами прощальный взгляд товарища. И хотя парень понимал, что спасти друга он все равно бы не сумел, вина тяжким грузом лежала на душе.

И как теперь ему с этим жить?

«Прости, Ромыч».

Впереди замаячил мост через Амур. Катер шел споро, и вскоре Михей уже разглядывал мощные опоры и стальные фермы, поражаясь их размерам. Деревянная узенькая переправа через Бирюсу – самое большее, что он когда-либо видел, а тут – такая махина. Гигантское сооружение величественно проплыло над ними. Русло расширялось, словно раздвигая берега и давая реке простор.

Над головами растеклась синева утреннего неба. Белыми клецками плыли в ней скомканные облака. Чужой мир теперь не казался таким страшным. Батя смотрел в небо и улыбался.

– Надо же, свалили, – покачал он головой, будто до сих пор не мог принять случившееся. – Думал, что подохну в этой тюрьме. Не верится даже.

Портной, сидящий рядом с бригадиром, только кивнул в ответ. Ванька выглядел так, словно побег вычерпал из него все силы. Вячеслав глянул на парней и сурово сказал:

– Так, мужики, отдохните чуть-чуть. Но не расслабляться. Будем думать, куда нам податься. У нас тут полный бак, да канистра заныкана. До Хабарова можем дотянуть.

– А что за Хабаров? – спросил Михей.

– Хабаровск, – отозвался Батя. – Город такой, большой. Прямо по курсу. Думаю, по реке километров четыреста.

– А в Хабаров нам зачем? – спросил Эстет. – Там люди-то есть?

– Да так-то незачем. Не знаю вообще, как там в Хабаре, – пожал плечами бригадир. – Говорят, что фонит здорово. Химзащиту придется где-то доставать. Если люди и живут – то по бомбарям да по подвалам. Наверху быстро подохнешь при таком раскладе. Нам бы Хабаров вообще лучше проскочить, нечего там ловить. Раз фонит – жди всякой пакости и зверья. А у нас – один автомат на четверых и защиты никакой.

– А по берегам тут народ живет? – поинтересовался у Бати Эстет.

– Около Комсомольска нет никого, – отозвался Вячеслав. – Всех переловили да в зону свезли. А там, дальше – не знаю. Увидим, если что – поспрошаем.

– Если будет кого, – задумчиво ответил Портной. – Кто знает, какие там люди.

– Лишь бы не такие, как в Комсомольске, – вставил Михей.

Батя держался в полукилометре от берега. Река раздобрела, и Михей чувствовал себя неуютно на маленьком катере посреди водного простора. Миновали отвесную скалу, точно

берег тут был срублен гигантским топором. Чем дальше уходили от Комсомольска, тем легче становилось на душе.

– Около сорока идем, – сказал Вячеслав. – Нормальный темп.

– Слав, а потом-то куда, после Хабаровска? – спросил Михей. Бригадир искося поглядел на него.

– А, куда занесет, – махнул он рукой. И, подумав, добавил: – Знал бы – сказал. Домой бы рвануть, вот это дело.

– А дом у тебя где? – поинтересовался Мишка.

– Далеко, – выдохнул Батя. – Поселок Чалдонка, знаешь такое место? Хотя откуда тебе знать-то, ты и белого света, наверное, не видал. Титьку сосал, когда Война случилась.

– Не видал, – согласился Михей. – Я же маленький был, когда жажнуло. Нигде и побывать-то не успел. Так только, слухов нахватался. Дальше Тайшета да родной деревни нос не совал.

– А я у вас бывал проездом, – погрузился в воспоминания бригадир. – Хорошие у вас там места, красивые. Столько уже лет прошло. Эээх, и правда домой бы махнуть.

– А я вот сбежал из дома. Все, хватит с меня. Нажился на родине, наелся досыта. На хрен мне такой дом не нужен, – откестился Эстет. – Я уж лучше к вам поеду, если возьмете.

– Ладно, размечтались, – улыбнулся Вячеслав. – Поживем – увидим. Губу больно не раскатывайте, давайте хоть отплывем немного.

После разговоров о доме настроение слегка поднялось. Катер споро скользил по водной глади, унося беглецов с каждой минутой все дальше от Комсомольска. Тюремная жизнь осталась в прошлом. Но что их ждет там, впереди? Батя выспросил у парней, как звали их родителей, и теперь почему-то взялся время от времени величать друзей по имени-отчеству.

– Так, мужики, – позвал он. – Ну-ка, давай сюда, покажу, как рулить. Мало ли, чего со мной в дороге случится. Чтобы знали. Давай, давай, Михал Саныч, ну-ка, первый – за баранку!

Наука оказалась несложной. Вскоре вся троица познала хитрости управления катером, и Батя с довольным видом похлопал Михея по плечу:

– Молодцы! Помру – не пропадете.

– Ты уж давай не помирай, можно сказать, только жить начали, – усмехнулся Мишка. – Сам же в гости звал.

Когда мастер-класс закончился, Ванька первым сел за руль, чтобы закрепить навыки управления судном. Эстет пристроился рядом. Парень постоянно смотрел вверх, точно не мог оторвать взгляд от утреннего неба.

– Красотища-то какая, – задрал голову, любовался он пейзажем. – Век бы глядел.

– Всяко лучше, чем из-за колючки смотреть, – улыбнулся Портной.

– Кто бы спорил, – отозвался Эстет. – Сравнил, блин.

Михей глянул на товарища. Тот счастливо улыбался. Да, всем им сегодня досталось удачи с лихвой. Наконец-то они ощутили вкус настоящей свободы, который давно позабыли. И пускай впереди лежала неизвестность, но Мишка теперь чувствовал уверенность. Пропитавшись за две недели отвращением к тюремной жизни, он не представлял, как Леха прожил там два с лишним года. А ведь было что-то в этом пугливом и худом паренке. Воля к жизни в нем засела недюжинная, и вера в хорошее и доброе чувствовалась.

В кубрике нашлась старая карта, и бригадир принялся внимательно разглядывать ее. Пока он отвлекся, Портной успел свернуть в правую протоку, и под бранные крики и матерщину Вячеслава Ваньке пришлось разворачивать катер и выруливать в основное русло. Михей тоже было взялся изучать клочок бумаги, но скоро бросил это занятие. Одно дело – смотреть на реку с высоты птичьего полета и сравнивать ее с картой, другое – с воды, откуда сразу и не разберешь, в какую сторону плыть.

Прошли большой остров, оставили позади село Вознесенское – об этом парни узнали со слов Бати. Далее русло ветвилось, дробилось на протоки. Если бы не карта и не прозорливость бригадира, то друзья плутали бы по водному лабиринту, как слепые котятка. Даже с ней порой приходилось туго. Иногда тыкались не туда, куда нужно, и плыли по боковой протоке, пока Вячеслав громким криком или бодрым матерком не направлял на путь истинный.

– Лешка, едрить твою налево. Рулишь – как бык нассал! Ну-ка пусти, опять не туда прешь. Давай, давай, зенки протри и на карту смотри.

– Да смотрю я, смотрю, – отмахивался Эстет и шарил взглядом по клочку бумаги, пытаюсь хоть что-то разобрать. Но у Михея создавалось впечатление, что Леха вообще впервые в жизни видит карту и сейчас просто делает умный вид, чтобы не навлечь на себя праведный гнев Бати.

Михей подумал, что сегодня определенно удачный день. Могло быть куда хуже. А могло и лучше. Парень стискивал зубы, когда память снова тащила его в прошлое. Ромка пожертвовал собой, чтобы они сумели убежать. Мишка понимал, что товарища уже нет в живых. Не было никаких шансов. Но все равно он раз за разом перебирал вчерашнюю ночь по минутам, разрабатывал план спасения друга, и в мыслях у него все получалось. Жаль, то были всего лишь мечты.

– Я отомщу за тебя, Ромка! – шипел Михей. – Обязательно отомщу.

Но парень плохо представлял, кому и как он собирается мстить за гибель друга. Скорее, он просто пытался таким образом снять груз вины с души. Хоть как-то, но оправдать себя перед погибшим товарищем. Но получалось плохо.

Катер уверенно шел против течения. Место у руля снова занял Вячеслав, который устал ругаться на своих нерадивых учеников. На высоком правом берегу теснились утесы, точно обглоданные зубами исполинского монстра. Иногда виднелись посреди зарослей кустов домишки, но с реки не получалось разглядеть, живет ли здесь кто-то или хуторки давно заброшены. В одном месте Михею даже показалось, что он увидел движение на берегу, но сколько парень потом ни присматривался, больше ничего заметить не сумел. Возможно, просто померещилось. Или местные жители прекрасно знали, кого можно ждать с реки, а потому спешили скрыться, завидев катер.

Ближе к обеду небо нахмурилось, подул ветер. Набежали рваные облака, загородили солнце, и сразу стало прохладнее. Парни залезли в кубрик и болтали, пока бригадир прокладывал курс.

– Пожрать бы, – сказал Михей то, о чем думали все. – Автомат с картой – это, конечно, здорово, но я бы эту карту на кусок мяса сейчас променял.

– И не говори, – отмахнулся Портной. – У самого желудок с утра сводит. На зоне хотя бы баланду на завтрак давали.

– И не заикайся ты больше про эту зону, – цыкнул на Ваньку Леха. – Соскучился, что ли? Я лучше совсем без еды останусь, чем опять туда. Нашел что вспомнить.

– Да это я так, к слову, – шутливо отмахнулся Портной. – Может, хоть рыбы как-нибудь наловим?

– А чем рыбалить собрался? – съязвил Михей. – Если только из автомата стрелять.

– Троицкое проходим, – крикнул с носа Батя, разглядывая карту. – Если ничего не напутал.

– Жилое? – спросил Миша.

– Да нет, пусто. Никого не видать, – ответил бригадир. – Заброшено все.

– Что ж они так, – загрустил Эстет. – Не хлебосольные какие-то места. Никто не встречает, никому мы не нужны.

– Может, и к лучшему, – бросил Михей. – Спокойнее как-то. Встречальщики тоже разные бывают.

За Троицким русло реки снова стало ветвиться. Приходилось то и дело утыкаться в карту и разбираться, куда плыть. Небо хмурилось, несколько раз даже начинался легкий дождик. За большим островом поздно смекнули, что ушли с маршрута и свернули в очередную протоку. Батя уже разворачивал катер, когда Эстет вдруг крикнул:

– Смотри, человек на берегу!

Все как по команде обернулись. Судно вздрогнуло и встало поперек течения. Теперь и Михей увидел, что на берегу стоит мужчина и машет им рукой.

– Ванька, к рулю! – живо скомандовал Вячеслав. – Давай, давай, пошустрее.

Михей заметил, что Батя положил рядом с собой автомат. И правда – откуда знать, кто встречает их на берегу и с чем. С хлебом-солью или с обрезом под курткой – пес ведает этих местных. Здесь от людей можно ждать любых сюрпризов. Потому, завидев человека, бригадир скорее напрягся, нежели обрадовался.

– Поглядывайте, – предупредил он. – Мало ли.

До берега оставалось рукой подать. У кромки воды стоял старик – лет семидесяти, а может, и старше. Седой как лунь, в потертых штанах и латаной штормовке. Он приветливо махал товарищам рукой, приглашая их на берег. Хотя Батя и велел держать ухо востро, Михей не чувял опасности. Чего бояться одинокого старого деда? К тому же снова предательски заурчало в животе, напоминая, что давно пора обедать.

– Причаливай, – крикнул дед. Бригадир тем временем старательно изучал окрестности. Михей тоже резво огляделся. Ничего примечательного – покатый берег, поросший чахлым кустарником, вдалеке – крыши деревянных строений. И больше никого, кроме встречающего их мужичка.

Портной заглушил мотор, и катер по инерции ткнулся носом в песок. Но Батя не спешил вылезать. Глядел сверху вниз на деда, присматриваясь к новому знакомому.

– Здорово, отец, – крикнул он наконец. – Что за поселок?

– Найхин, – добродушно отозвался старик. – День добрый. Мужики, а вы откуда плывете?

– Издалека, – коротко ответил Вячеслав. – А здесь кто живет?

– Я тут живу, – сказал дед.

– Один? – подозрительно поглядел на него Батя.

– Так точно, – кивнул старик. – Как остальных забрали, так один и живу. Вы как – в гости заглянете или дальше поплывете? А то закахивали бы – и с дороги отдохнете, и мне веселее.

– Ну, если зовешь, тогда заглянем, – отозвался Вячеслав и прыгнул с кормы на берег. Следом за бригадиром слезли и парни.

– Как звать-то тебя, отец? – поинтересовался Батя, глядя на старичка. Тот улыбнулся и протянул сухую руку.

– Дядя Юра.

– Вячеслав, – сказал бригадир и сдал ладонь деда. Поздоровались и представились парни.

– А ты говорил, что других забрали куда-то? – спросил Батя дядю Юру. – Это куда?

– Да, – грустно ответил старик. – Понаехали нелюди с Комсомольска, да всех в лагерь увезли.

– А тебя почему оставили? – насторожился бригадир.

– Я в лес ходил, – принялся поспешно рассказывать дядя Юра. – Вернулся – а поселок пустой уже. Нету никого, только ветер свищет. Видимо, с реки приплыли – я у берега следы на песке видел. Много натоптали. Людей, вещи, еду – все прихватили.

– Отец, а ты откуда про Комсомольск знаешь? – подозрительно глянул на старика Михей. – Тебе-то про тюрягу кто рассказал?

– Беглые потом рассказали, – с ходу ответил старик. – Бежали ведь люди с зоны. Трое беглых с год назад у меня неделю жили. Сами откуда-то из-под Хабаровска. Вот и наболтали страстей про Комсомольск. А вы тоже, что ли, беглые?

– С чего решил? – спросил Батя. – Похожи?

– Есть такое дело, – улыбнулся дядя Юра. – А кому тут еще взяться, как не беглым? Да мне все равно – беглые или нет. Лишь бы люди хорошие были. А то тут одному тошно, хоть волком вой.

– А семья-то была?

– Нет, – развел руками дед. – Жена давно убежала, еще до Войны. Детей не успели народить. Так потом бобылем и жил. Мужики, пойдемте в дом, что ли. Есть хотите?

Желудок Михея после слов деда заурчал с удвоенной силой. Последний раз они хлебали жидкую баланду почти сутки назад, и теперь мысль о еде становилась навязчивой. Что ни говори, а этот старик на берегу подвернулся как раз вовремя.

– От харчей не откажемся, – в первый раз за встречу улыбнулся Вячеслав. – А то со вчерашнего дня не жрались.

– Пойдемте, – махнул рукой дядя Юра и взял курс в сторону поселка. Друзья пошли следом. По дороге Миша внимательно изучал окрестности. Берег полого взбирался в гору, кое-где среди полегшего сухотравья пробивались первые зеленые побеги. Весна в эти края, видимо, наведывалась позднее, но все равно чувствовалось в воздухе ее дыхание. И хотя в низинах еще лежали ошметки грязного снега, уже повсюду пахло оттаявшей землей и сухой травой. С реки веяло свежестью, и парень вдруг осознал, что так пахнет свободная жизнь.

Наметилась в облаках робкая проталина, упал на землю солнечный луч, побежал по берегу. И на душе у него словно немного оттаяло и потеплело. Захотелось верить в хорошее, в доброе. Повеселели и Леха с Ванькой – они беззаботно шли рядом и судачили о чем-то. Один только Батя, как показалось Михею, выглядел слегка задумчивым и подозрительным.

Впереди замаячил бывший поселок – развалины, утопающие в сухом бурьяне, заросшие кустарником старые бараки и покосившиеся столбы. А чуть в стороне, на взгорье, приютился небольшой хутор – ладные срубы, домушки сараев и шапки погребов. Парню он сразу же напомнил родную деревню. Только пусто тут было – не скрипели колодезные цепи, не лаяли собаки, не бегала ребятня. Словно все жители собрались разом и оставили родные дома. Вот только не по своей воле, а так же, как и Мишка с односельчанами.

Домик дяди Юры стоял бобылем на окраине поселения у неглубокого оврага. За огородом – березовая роща и маленькое поле, окаймленное долговязыми тополями. У самого дома – приземистая сарайка, скособоленная поленица да клочок палисадника с двумя елками и черемухой. Старик звякнул ключами, отпирая тяжелый замок на двери.

– От кого запираешься, дядь Юр? – усмехнулся бригадир, глядя, как дед колдует над замком.

– Да мало ли, – пожал плечами старик. – Так поспокойнее.

Совладав с запорами, дед позвал всех внутрь. Скрипнули в сенях доски пола, и друзья оказались в узкой прихожей. Справа громоздилась русская печь, слева вдоль стены тянулась лавка с мисками. Под ногами – старый затертый половик. Впереди, у большого окна – выцветший резной комод. А еще тут пахло едой, дымом и деревом. Быстро разулись, и хозяин пригласил всех в комнату.

– Ну, присаживайтесь, что ли, отдохните с дороги, – добродушно предложил дядя Юра, указав на старый диван у стены. Михей первым приземлился у окна, Батя опустился рядом, положив автомат на колени. На крепкой лавке возле стола устроились Эстет и Ванька. Хозяин тем временем выудил из печи большой чугунок. Шибанул в нос дразнящий запах еды, и у Мишки потекли слюни. С трепетом глазели на действия старика и Леха с Ванькой. Дед резво схватил с

лавки объемистое блюдо, навалил с горкой, словно камней, картошки в мундире. Выволок из темного зева печи чугунок поменьше, и по комнате поплыл аромат вареного мяса.

– Немало ты на одного себя готовишь, – подметил Вячеслав.

– Так это я на неделю наварил, – улыбнулся старик. – Чтобы каждый день не колупаться. Употребляете? – осведомился он и выудил из комода бутылку с мутной жидкостью. Лицо Бати тут же расцвело.

– И-и-и-и-и! – радостно протянул бригадир и, как почудилось Михею, тут же растерял всю подозрительность и задумчивость. Да и сам Мишка окончательно успокоился. Сейчас, когда он вдохнул запахи домашнего уюта и картошки с мясом, в голове остались только мысли о предстоящем обеде.

Леха отказался от спиртного. Остальным дядя Юра плеснул по мятым кружкам мутной жижи и пожелал приятного аппетита.

– Ай, душегреечка, – заулыбался Вячеслав, опрокидывая свою дозу в рот. – Ну, удружил, отец. Ну, спасибо! Тыщу лет самогонки не пил.

Самогон оказался крепким, забористым. А в рот уже торопилась картошка с мясом, а за ними просилась еще «горькая». Спиртное подогрело аппетит, и теперь друзья уплетали за обе щеки.

– Что за мясо-то, отец? – спросил Батя, ловко орудуя ложкой.

– Тетерева наохотил, – похвалился дядя Юра. – Скотины нет теперь – ту, что была, перебили да увезли в Комсомольск. Остальные разбежались. Ну а вы давайте, рассказывайте, как сбежали?

– На Комсомольск дикари напали, – сказал Портной, усердно жуя кусок мяса. – Вот мы под шумок и дернули.

– Что за дикари? – продолжал выпрашивать старик.

– Кто их знает, – отозвался Михей. – Волосатые, с камнями и дубинами. Их там целая орда была, даже охрана отбиться не сумела. Ночью напали, пока все спали.

– И много вас сбежало?

– Не знаю, – пожал плечами парень. – Мы просто первыми драпанули, как только началось. Может быть, и еще кто-нибудь удрал, но мы не видели.

– Дядь Юр, заночуем мы у тебя? – спросил Батя старика. – Нам бы сил набраться. А завтра дальше двинем.

– Да оставайтесь, мне разве жалко, – улыбнулся дед. – Всем места хватит. Я и сам предложить хотел. А потом куда?

– Дальше поплывем, в сторону Хабар, – сказал Вячеслав. – Домой хочется. А чем тебя отблагодарить?

– Пороху бы мне, – сказал хозяин. – Мужики, у вас лишнего не найдется, а? Порох кончается, а охотиться надо. На одной капусте с картошкой не протянешь, мяса тоже хочется. А ноги уже не те, далеко ходить не могу.

– Вот с порохом не поможем, – развел руками Батя. – Нет у нас совсем ничего, что было – в том и убежали.

– Ну, на нет и суда нет, – пожал плечами старик. – Я уж так спросил, на всякий случай.

Дядя Юра потряс бутылку – на дне плескались остатки самогона. Налили по последней, бодро выпили и доели картошку с тетеревиной. Михей был счастлив – после обеда и дозы спиртного хотелось завалиться на печь и соснуть часок-другой.

– Дядя Юр, спасибо, – довольный бригадир вытер губы. – Век будем благодарны.

– Да не на чем, – улыбнулся старик. – Хотите – отдохните немного или воздухом подышите. Переночуете, а завтра дальше поплывете.

После короткого отдыха Мишка с Эстетом вышли проветриться. Батя с Ванькой остались дома, а старик взялся за дела по хозяйству. Над хутором висел тихий и пасмурный день.

Копошились в палисаднике воробы, в зарослях за огородом потрескивала сорока, дул легкий ветерок. Веяло спокойствием. Они прошли по короткой улице, заглядывая в темные окна изб и рассматривая заросшие бурьяном огороды. Эстет выглядел немного озадаченным.

– Тут подлатано, там подлатано, – сказал он Михею, разглядывая дома. – Неужели дед один все тут ремонтирует?

– Да, может, просто сохранилось все хорошо. Да и не так давно местных в Комсомольск увезли. Думаешь, наврал он нам, что один тут живет? – тихо спросил тот.

– Да кто знает, – хмуро ответил Леха. – Давай будем повнимательнее. Мало ли, кто тут прятаться может.

– Леха, расслабься, – улыбнулся Миша. – Устал ты просто, день тяжелый был. Бахнул бы с нами дедовой самогонки, полегчало бы.

Эстет не ответил. Он смотрел на дальний берег Амура, где на горизонте серые тучи соприкасались с землей, и думал о чем-то своем. Михей чувствовал, что тревога бригадира теперь передалась Лехе. И чего им в голову всякая дрянь лезет?

– Я бы вообще собрался и дальше поплыл, – сказал Эстет. – Только Бате виднее, он у нас старший.

– Да и я бы сейчас уплыл. Только ночь скоро, да и не спали мы. Отдохнуть бы надо, – сказал товарищу Мишка. – А завтра бодрячком встанем и дальше двинем. Лех, пойдем к нашим?

К сумеркам немного распогодилось. Ветер утихомирился, и в рваные прорехи между тучами проглядывало чистое небо. В палисаднике трещали сороки, у берега кружила пара уток. С реки веяло свежестью.

– И не думал, что вот так когда-нибудь будет, – Эстет втянул ноздрями вечерний воздух и зажмурился. Друг сейчас не выглядел таким подозрительным, как днем. – Думал, костями лягу на этой каторге. А теперь тут стою, воздухом свободным дышу, о будущем мечтаю.

– Еще лучше будет, Леха, – похлопал его по плечу Михей. – Вот увидишь.

– Обязательно, – сказал Эстет и улыбнулся в ответ. – Отдохнуть надо, Мишань, умаялся я что-то за день. Да еще ночь не спамши. Дрыхнуть сегодня будем как сурки.

В доме Батя с Ванькой готовились ко сну. Старик приволок откуда-то из сеней свернутые матрасы, свалил их в угол. Вячеслав вытаскивал из-под кровати старые одеяла, Портной убирал к стене лавки и стулья, освобождая середину комнаты.

– Я вам на полу постелю, – сказал дядя Юра. – Двое на полу, двое на кровати, я – на печи. Всем места хватит.

– Добро, – сказал Батя. – Отбой, мужики.

– По нужде – это за сарайку, – проинформировал старик. – Ну, сами видели где. Не заблудитесь.

Наконец улеглись. Бригадир с Ванькой устроились на полу, предоставив Мишке с Лехой старую кровать. Дядя Юра погасил древнюю керосинку, и дом погрузился в сумрак. Укутавшись тяжелым и немного влажным одеялом, Михей чувствовал себя уютно. Подкралась дрема, обняла заботливо, точно родная мать. За окошками неторопливо угасал вечерний свет. Тихонько сопел во сне Портной, возился рядом Леха. Так, незаметно, сон и сморил парня.

Мишка не знал, сколько они проспали. Очнулся оттого, что рядом пошевелился Эстет. Товарищ встал и принялся нашаривать на гвозде бушлат. В черном окне напротив кровати висели звезды. На полу тихонько похрапывал Ванька.

– Ты куда? – спросил Миша.

– Сейчас приду, – бросил тот. – За сарайку надо.

Заныли доски в сенях, скрипнула уличная дверь. И снова в доме повисла сонная тишина. Михей лежал, глядя в темень за окном. Перебирал события минувшего дня, пытался думать о завтрашнем. Потом парень закрыл глаза, но сон не шел.

Эстет куда-то запропастился. В темноте неровно сопел Вячеслав – бригадир, видимо, тоже не спал. Думал о своем, а может, ждал загулявшего в ночи товарища. Наконец на крыльце грохнуло – Леха возвращался. Михей слышал, как друг аккуратно идет в темноте сеней, чтобы не упасть. Стукнула входная дверь, и в этот момент Мишке показалось, что в сенях что-то скрипнуло. А потом еще и еще. Эстет ведь уже зашел в дом, они все тоже на местах. Чему там скрипеть-то?

– Слава, – парень едва успел приподняться на кровати, как удар по голове повалил его на матрац. Врезали так сильно, что Михей на миг выпал из реальности. На кухне зашумело и загрохотало. Кто-то ворвался с улицы в тишину и уют дома.

– И-и-и-и, дрянка! – заорал Батя, но тут же последовал тяжелый удар, и крик Вячеслава оборвался. Михей пришел в себя и прыгнул с кровати, но получил под дых и, согнувшись, свалился на пол. Пока он корчился на холодных досках, кто-то запалил керосинку. Мишка тяжело глотал воздух. Сквозь пелену, застывшую глаза, он видел, как двое незнакомых мужиков крепко держат Батю и вяжут ему руки за спиной. Неподалеку лицом в пол лежал Портной, не подавая признаков жизни. Наконец незнакомцы захомутали бригадира, и один из них легонько пнул Ваньку в бок. Парень застонал и пошевелился.

«Слава богу, живой», – отлегло от сердца у парня. Он пытался проморгаться и заодно понять, что произошло.

– Спасибо, дядя Юра, – сказал один из мужчин, плечистый и жилистый. – Помог товарищам. Век не забудем.

– Да не за что, Егор, – ответил старик, слезая с печи. В руках деда качалась керосинка, внутри дергалось пламя, освещающая комнату.

Наконец Миша смог отдышаться и оглядеться. Батя лежал на полу возле кровати со связанными руками и тихо матерился. Рядом мычал Ванька, которому, видимо, здорово досталось от нападавших. Тут же возле матрасов замер плечистый мужик, сжимая в руках ружье. Второй, пониже ростом и с обширной лысиной на голове, караулил Михея. Грохнуло в сенях, и в комнату ввалился третий незнакомец, подталкивая перед собой Эстета. У Лехи под глазом быстро набухал внушительных размеров фингал.

– А ну, не рыпаться, щенки, – прозвучало над ухом Мишки. – Все равно далеко не убежите. Будете дергаться – дробью всажу. Усекли?

Эстета грубо толкнули, и тот бухнулся на пол рядом с другом.

– Не слышу! – повысил голос плечистый и поднял двустволку.

– Поняли, не дураки, – недовольно бросил Леха, глядя на человека с ружьем. Третий мужик, с редкой бородой и большими темными глазами, оглядел комнату и спросил у плечистого:

– И чего с ними делать?

– Сейчас решим, – отозвался тот, что с ружьем. – Плевать мне на них, главное – катер. А этих гавриков можно в реку бросить – и дело с концом. Неужели еще патроны на них тратить? Переверните-ка этого, здорового.

Двое мужиков резко вздернули бригадира и посадили его спиной к стене. Злобный взгляд Бати уперся в человека с ружьем. Тот сделал шаг назад, и лицо его вытянулось от удивления.

– Слава? – опешил он, глядя на бригадира. – Ты здесь откуда?

– От верблюда, – рыкнул Батя, пересыпая короткую реплику отборным матом. – Ну, Егор, не ожидал тебя тут увидеть. Мы тебя, родимого, схоронили давно, а ты вон где.

– Рано похоронили, – улыбнулся мужчина, названный Егором. – А мы-то с мужиками дали деру тогда. Гладко слиняли, даже охрана поздно рыпнулась. Видишь, теперь живем свободной и честной жизнью.

– Вижу, какой честной, – пробурчал бригадир.

– А эти шнуры с тобой откуда? – поинтересовался Егор.

– Сбежали вместе.

– Молодцы! – похвалил главарь беглых. – Да еще и катер прихватили с калашником. Ну, Слава, удружили, век не забуду. Хороший подгон, пригодится. И лодка, и автомат. А мы тут уже несколько месяцев торчим, думаем – как слинять отсюда. А тут транспорт сам к нам приплыл, бери – не хочу.

– Хрен тебе, а не транспорт, – злобно ответил Батя. – Не про твою честь.

– Жадный ты какой-то, – посетовал Егор. – Тебя приютили, накормили, спать уложили. А ты жмотишься. Нехорошо.

– А ты, что ли, нас тут приютил? – завелся неожиданно Михей, но ему снова ткнули кулаком под ребра, и парень засипел, жадно глотая воздух, который словно упирался и с трудом лез в ноздри. Ярость переполняла его, но он ничего не мог поделать. Рядом с ним пристроился лысый с автоматом в руке и внимательно следил за дерзким пленным. Да, недолго они побыли на свободе. Прав был все-таки Эстет – зря они расслабились и доверились старому хрычу.

– Да и пацаны у тебя какие-то дерзкие, – заметил Егор. – В общем, слушай сюда. Ты же мужик здоровый, опытный, с мозгами. А нам люди нужны. Осточертело тут торчать. Рванем куда-нибудь подальше отсюда, а? Плюнь ты на своих щеглов.

– Подумать надо, – неожиданно для Михея выдал Батя. Парень бросил на Вячеслава презрительный взгляд, но бригадир даже не смотрел на него. – А что мне за это будет?

– Слава, ну что ты как маленький, – пожурил бывшего товарища Егор. – Домой хочешь? Соскучился ведь, знаю. Поплывем на вашем катерке куда глаза глядят. Сами мечтаем свалить отсюда. Хотя у нас с дядей Юрой тут родина, да больно опасно стало дома. Тюряга близко, дикари шастают. И у парней моих ведь тоже дом есть, может, там еще их ждут. Плыть есть на чем, химзащиту мы тоже раздобыли. Не ссы – проскочим грязные земли как-нибудь. Все карты нам в руки. А друганы твои новые пускай тут остаются. Не буду я их трогать, мне они ни к чему.

– Пять минут назад в реку собирался бросить, а сейчас уже к себе зовешь? – спросил Батя.

– Ну, это я так, для устрашения, – улыбнулся Егор. – Ну, давай, думай шустрее. Чего тянуть?

– Согласен, – неожиданно выдал Вячеслав.

– Слав, да ты чего! – открыл рот Михей, но опять словил тычка и замычал. В глазах у парня помутнело – и от удара, и от такой подлости. Батя, бригадир и наставник, человек, благодаря которому они остались живы и сбежали из Комсомольска, сейчас вот так с легкостью менял их на старых дружков. Вчера – гибель Ромки, сегодня – предательство Вячеслава. Парень был вне себя от злости, и в то же время его душила обида. Хотелось дать ей выход, но он не мог.

Бригадир по-прежнему не смотрел в его сторону. Да и с чего вдруг Михей решил, что они так дороги Вячеславу? Но ведь Батя вывел их из проклятого Комсомольска, можно сказать – спас им жизни. Не мог бригадир так просто бросить парней. Не мог.

– Развязывать-то будешь? – осведомился Батя у Егора.

– Ну, вот так прямо сразу? – улыбнулся главарь. – А как же преданность доказать?

– В жопу мне тебя, что ли, поцеловать? – спросил Вячеслав, чем вызвал у Егора улыбку.

– Нее, без нежностей обойдемся, – отозвался собеседник. – Вон тот парнишка у вас больно говорливый. Заткни-ка его, Слав.

К ногам бригадира упал длинный кухонный нож. Тот искоса глянул на Егора.

– Ты чего творишь? Мы так не договаривались. Я чего тебе, мясник, что ли?

– А как мне еще узнать, что ты со мной заодно? – пожал плечами главарь. – Ну, ты решай, кто тебе важнее. Старые друзья или эти щеглы.

– Ты же мне руки схомутал, – напомнил Батя.

– Ой, запамятовал, – усмехнулся Егор. – Олежек, развяжи. И без шуток, понял.

Пока один из беглых освобождал Вячеславу руки, главарь держал бригадира на прицеле. Михей видел краем глаза, что Леха с Ванькой будто даже перестали дышать. Эстет смотрел на него, и во взгляде друга парень прочитал отчаянье. Наконец Батя освободился от пут и повернулся к Егору:

– Давай без мясничества. Нормальные ребята, слово даю. Оставим их тут, а сами рванем на катере. И пушку-то убрал бы.

– Нее, – протянул Егор. – Мы так с тобой не договоримся. Бери нож! Живо!

Голос главаря неожиданно стал жестким, насмешка исчезла. Михей вдруг четко понял, что шутки закончены. Злость ушла, и откуда-то из глубин сознания пополз холодный страх. Что задумал бригадир? Решил и правда предать новых друзей или пляшет под дудку старого дружка, чтобы проверить свой план?

Через секунду нож лег в ладонь Бати. Глаза бригадира и Михея встретились. Парень с немой просьбой смотрел на друга. Неужели у того поднимется рука убить его? Взгляд Вячеслава был холоден, словно тот растерял все эмоции. И вдруг Батя стрельнул глазами вверх, точно указывая на лысого, что стоял возле парня. Мишка моргнул, но лицо бригадира снова превратилось в каменную маску. Показалось?

– Валяй! – поторопил Егор. – А то уже...

Договорить главарь не успел. Молниеносно развернувшись, Батя обрушил мощный удар на двустолку Егора. Рывкнул выстрел, и дробь взорвала подушку на полу. А Вячеслав уже рвался в бой. Получив по «хозяйству», Егор замычал и рухнул на пол. Михей вдруг понял, что мешкать нельзя, и врезался корпусом в своего «телохранителя». Тот матюгнулся и стал заваливаться, не успев воспользоваться автоматом. Эстет был тут как тут – подхватил калаш, путаясь в ремне. Третий беглый на миг растерялся и упустил свой шанс, а через мгновение двустолка уже смотрела ему в грудь.

– А ну, мордой в пол, дрянька! – рывкнул Батя. Мужик не стал испытывать судьбу и лег тут же, рядом со своим дружкой. Зашевелился, застонал на полу Егор.

– Только вякни – урою! – и бригадир показал пудовый кулак бывшему другу. Егор проглотил стон, притихли и остальные. Роли поменялись в один миг, и теперь беглые не знали, чего ожидать от Вячеслава. Шумнуло в углу – это дядя Юра поставил керосинку и тихо полез по приступку на печку, словно не хотел мешаться под ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.